DD 247
.N 63
A 25
1924

ISPORED' KROVAVOI SOBAKI

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DD247
.N63
A25
1924

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00021990400

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ispovedkrovavoso00nosk

ИСПОВЕДЬ КРОВАВОЙ СОБАКИ

Рабочее Изд-во „ПРИБОЙ“
Петроград 1924

СЕКТОР
„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ“

ЖЕЛЕЗНЫЙ НОСКЕ

DD247
.N63
A25
1924

ИСПОВЕДЬ КРОВАВОЙ СОБАКИ

Ispoved' krovavoi sobaki

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ НОСКЕ
О СВОИХ ПРЕДАТЕЛЬСТВАХ

Рисунки ЖОРЖА ГРОССА

Сектор „Юный Пролетарий“
Рабочего Издательства „ПРИБОЙ“ Петроград

Петрооблит № 11865 Тираж 10.000

Госуд. типогр. имени тов. Зиновьева, Петроград, Социалистич., 14.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

От первой германской революции нас отделяют пять лет.

Но какие плоды пожал германский пролетарий в этой борьбе!

Голодная и обнищавшая Германия, порабощенная международным капиталом — таковы результаты этой революции.

Да, революции бывают разные.

Наша русская революция под руководством Коммунистической Партии вывела всю страну на путь хозяйственного возрождения и социалистического строительства.

У германской революции путь иной.

Партия колоссального влияния и значения—германская социал-демократия — оказалась на другой день после революции фракцией буржуазии.

Использовав все свое влияние, употребив вооруженную силу, подавив революционные восстания—эта партия пришла к власти.

И эта партия привела страну к гибели.

Дорого заплатил рабочий класс Германии за свое доверие социал-демократии. Прошло пять лет, покуда спала с глаз пелена. События август—ноябрь 1923 г. показали, за кем идет рабочий класс Германии.

Теперь вопрос лишь в накоплении сил.

Носке—один из вождей этой социал-демократии. Такой же наглый и кровожадный. В крови подавил он революционную волну 1918—19 г.г.

Но от пролетарского суда ему не убежать.

И в тот день, когда рабочий класс Германии возьмет в свои руки власть, нет сомнения — Носке не сдобровать.

Его будущим судьям незачем составлять обвинительный акт.

Эта маленькая книжка, составленная из воспоминаний, написанных самим Носке, достаточно ясно говорит о его злодеяниях.

Каждый, прочитавший ее, еще раз наглядно убедится, что за „защитники рабочих“ социал-демократы.

О характере приговора сомневаться не приходится.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ.

В воскресенье, 3 ноября я выступил с большой речью в одном собрании в Брауншвейге. Я говорил о неотложности крупных реформ, но высказался определенно против всякой насильственной революции, которая могла бы ухудшить и без того печальное положение немецкого народа. Вообще немецкая социал-демократия была против подобной революции.

Собрание закончилось овацией по адресу социал-демократии, которая стремилась не при помощи насильственного переворота, а мирным путем добиться каких-нибудь политических и экономических реформ.

Во время моей речи независимые брауншвейгские социал-демократы собрались неподалеку от здания, где мы находились, на открытом воздухе, и очень страстно говорили на тему о необходимости политических реформ. Оба собрания закончились вполне мирно, без всяких инцидентов.

РЕВОЛЮЦИЯ НАЧАЛАСЬ.

Почти в это же самое время в Киле раздался первый залп, которым началась насильственная революция. В гражданской войне потекла кровь, и пали первые жертвы, за которыми скоро последовали многие тысячи их.

В понедельник, 4-го ноября Шейдеман по телефону сообщил мне, что в Киле произошли печальные события и что туда нужно немедленно кому-нибудь поехать.

Он просил меня тотчас же отправиться для переговоров в канцелярию рейхстага.

Отправившись туда, я нашел там большое возбуждение. Шейдеман и секретарь наскоро сообщили мне, что в Киле произошла демонстрация и что в демонстрантов стреляли. На корабельных верфях там происходила стачка. Я должен поехать в качестве представителя социал-демократической партии. Дольше одного дня мне там остаться, вероятно, не придется. Дальнейшие сведения я получу от секретаря с.-д. организации Кюрбиса, который возвращается назад в Киль. Очевидно, правительство в эту минуту не имело ясного представления о том, что именно произошло в Киле.

До отхода поезда у меня оставалось ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы с'ездить домой и захватить кое-какие необходимые вещи. С Кюрбисом я встретился в поезде, и он сообщил мне все, что знал о событиях в Киле.

Уже с 1917 года во флоте была замечена антимилитаристская агитация на больших военных судах. Два человека уже поплатились за нее своею жизнью, а другие—тяжелыми каторжными работами. После этого некоторые тягости службы были для матросов облегчены, а пища была улучшена. Но на дух их повлиять не сумели. После службы офицер уходил к себе в каюту, матрос—к себе, и оба они были предоставлены всецело самим себе, и никто за ними не наблюдал. Само собою разумеется, что при таких условиях агитация во флоте легко могла найти благоприятную почву для своего развития. Многие женатые матросы никак не могли примириться с мыслью о необходимости умереть для дела, которое уже все равно проиграно, тем более, что им предстояли демобилизация и возвращение на родину. 28 октября флот должен был выступить, но кочегары потушили топки, и выступление не могло состояться. Большинство мятежников было арестовано. 1-го ноября в Киле имела место большая сходка матросов, на которой потребовали освобождения арестованных. 2-го ноября сходка должна была повториться, но этому помешало и запрещение, а также воинская сила. Тем не менее, воинская дисциплина все-таки была нарушена. Матросы собрались на учебном поле и там

к ним присоединились члены независимой социал-демократии. На воскресенье, в $5^1/_2$ часов после обеда, назначена была новая сходка на большом учебном плацу. Но в 2 часа того же дня пробита была тревога по приказанию властей. Появившиеся воинские патрули потребовали, чтобы все моряки вернулись в свои части. Приказание это не было исполнено. На состоявшейся вслед затем сходке опять заявлено было требование об освобождении арестованных. Началась огромная демонстрация. Патрули и отдельные офицеры были обезоружены. Тогда, наконец, один патруль открыл огонь по демонстрантам, в результате чего оказалось значительное число убитых и раненых. Возбуждение в городе было огромное.

Недалеко от Киля, по направлению к нему, я встретил поезд с солдатами на открытых платформах, из чего можно было заключить, что положение там очень серьезное, но именно это же обстоятельство свидетельствовало о полной растерянности властей, так как солдаты эти были встречены матросами с громкими криками радости и тотчас же обезоружены.

НАЗАД ПОВЕРНУТЬ ДЕЛО НЕЛЬЗЯ.

В Киле, при выходе из вагона, ко мне обратился какой-то железнодорожный чиновник. Он сообщил мне, что в городе положение далеко не так плохо, как казалось. То же самое подтвердил и какой-то обезоруженный офицер; однако, ни тот, ни другой не сказали, в чем именно дело.

На Кильском вокзале так и пестрели синие матросские куртки. Сходя с платформы, я был поражен при виде массы вооруженных людей. В эту минуту кто-то назвал меня по имени, и тотчас же воздух огласился криками „ура“, и сотни рук потянулись ко мне. Толпа оттеснила меня от моих попутчиков и прижала к выходу. Все они слышали о моем приезде, и многие из них знали меня по моей парламентской деятельности.

На площади перед зданием вокзала, как и на платформе, была масса вооруженных матросов. Через минуту я уже был в автомобиле, куда немедленно забралось еще человек пять-шесть. Один из них, стоя, махал

красным флагом и все время кричал уже осипшим голом: „да здравствует свобода!“ Возле меня сел матрос по имени Артельт, который в двух словах об'яснил мне, что тысячи матросов вооружились, и офицеры совершенно бессильны что-либо сделать. Назад уже дело повернуть нельзя.

В 8 часов вечера назначено на площади Вильгельма собрание, на котором я должен выступить. После этого меня ждут в народном доме, а затем в здании вокзала будет происходить обсуждение создавшегося положения совместно с губернатором и его штабом.

На главных улицах Киля было большое оживление. Но все-таки это не производило впечатления начавшейся большой революции. Мужчины и женщины смеялись, когда сопровождавший меня суб'ект принимался размахивать и кричать. Невооруженные матросы фланировали, как обыкновенно, со своими девицами. Везде бросались в глаза красные значки.

Площадь Вильгельма была плохо освещена. На ней в ужасной давке толпились военные, рабочие и женщины. На фонарном столбе посреди площади уместилось несколько матросов, а под ними стоял огромного роста черноголовый мужчина с красным шарфом и офицерской шашкой в руках. Впоследствии, когда я с ним ближе познакомился, он оказался очень дельным человеком. Он изо всех сил старался водворить порядок. Когда наш автомобиль остановился, кто-то из толпы пытался всунуть мне в руки такую же шашку, но я с благодарностью отказался от нее.

Само собою разумеется, что я все еще не имел ясного представления о том, что произошло в Киле. Поэтому в своей краткой речи я в общих чертах коснулся создавшегося политического положения и закончил горячим призывом по возможности сохранять порядок. Толпа приняла слова мои с большим энтузиазмом.

Когда автомобиль мой медленно двинулся через толпу, раздался выстрел. Несмотря на всю серьезность положения, произвело комическое впечатление, когда толпа шарахнулась в разные стороны. Когда же вы-

стрелы стали раздаваться в разных местах, все бросились врассыпную—даже солдаты, согнувшись и прячась за домами, бежали вместе с толпой, держа оружие в руках. Неприятеля, с которым можно было бы сразиться, не было, однако, видно. Выстрелы участились, но повидимому все стреляли вверх, потому что я не слышал, чтобы были убитые или раненые.

Через несколько секунд площадь опустела, но выстрелы все еще продолжали раздаваться. Становилось очень неприятно. Я указал своим спутникам на безобразие этих выстрелов и велел везти себя к горнорабочему клубу.

В одной из зал этого клуба находилось около дюжины рабочих и столько же солдат. Велись весьма серьезные разговоры, но никто ясно не сознавал того, что творилось. Говорили о том, что нужно образовать совет солдатских депутатов. Здесь я более подробно узнал, что именно произошло в течение дня.

Именно, в 8 часов утра часть команды 1-й флотской дивизии вооружилась с целью освободить арестованных товарищей. Но она сама была арестована. В другой казарме вооружились матросы другой дивизии. Команда, посланная против 1-й торпедной дивизии, соединилась с мятежниками. Никакой службы в казармах в этот день не было. Командира одной из дивизий, пытавшегося повлиять на людей и призвать их к порядку, освистали. Явившаяся к нему депутация в первый раз заявила политические требования, а именно: изгнание Гогенцоллернов, равное выборное право для обоих полов, освобождение из тюрем политических и недавно арестованных товарищей III эскадры, а также осужденных за политические преступления в 1917 году.

Губернатором Киля всего за несколько дней до того был назначен вице-адмирал Сушон, отличившийся в начале войны в качестве командира средиземной эскадры, которую он провел в Константинополь. Восстание матросов явилось для него полной неожиданностью, и он беспомощно отдался течению событий. Впрочем, сомнительно, могли ли бы крутые меры приостановить революцию и задержать ее распространение по всей Германии.

БЕДНЫЙ, ГОЛОДНЫЙ НОСКЕ.

Далеко за полночь отправились мы с Гаусманом, делегатом правительства, домой, в отель. На улицах здесь и там раздавались выстрелы. Повидимому, стреляя, люди думали этим побороть свой страх. Восставшим в Киле никто в сущности не оказал нигде никакого сопротивления.

Я почти умирал от усталости, голода и жажды. Ночь с воскресенья на понедельник я совсем не спал, об'езжая вокзалы. В течение дня я также не имел времени поесть, выступать же мне пришлось много. Мы с Гаусманом решили послать телеграммы. Кто не ест и не пьет, тот не может, конечно, работать. Должен сказать, однако, что в кильском отеле „Континенталь" позаботились о том, чтобы я в течение ближайших дней, перегруженный до чрезвычайности работой, не остался вовсе без сил. Но едва только я выпил первый глоток и с'ел первый кусок, как где-то совсем вблизи раздалась бешеная стрельба. Оказалось, что матросы заподозрили, что в большом отеле „Ганза" около вокзала скрываются офицеры. В это время о каждом офицере думали, что он из засады стреляет по восставшим. Об этих офицерах говорили, будто они стреляли из окон, и хотя это ни на чем не было основано, здание все-таки обстреляли из пулеметов. Эта стрельба вызвала ответную стрельбу и в других частях города. Было брошено и несколько ручных гранат, а из одного с небольших судов, стоявших в гавани, было произведено два орудийных выстрела. Это был адский концерт. Некоторое время я стоял на балконе и прислушивался к этой стрельбе. Мы скоро привыкли к ней настолько, что она нисколько не мешала нам диктовать телеграммы. Недолго думая, мы решили, что Гаусман поедет с личным докладом в Берлин, я же останусь здесь в Киле. Едва я лег в постель и стал засыпать, как опять раздалась стрельба, и спать в эту ночь пришлось немного.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ВИЛЬГЕЛЬМА ДОВЕРЯЕТ НОСКЕ.

На 1 час дня опять назначена была большая демонстрация на площади Вильгельма. Ожидали доклада о текущих делах. Незадолго перед этим прошел сильный дождь, который я в душе приветствовал, так как думал, что он прогонит с улиц значительное количество народа. Однако, попасть на площадь было очень трудно, несмотря даже на дурную погоду. Вся местность была покрыта тысячами синих матросских блуз. Матросы приходили из разных казарм, большею частью с музыкой и с красными знаменами. Собрание не было открыто с военной точностью: час уже давно пробило, а части все еще отовсюду продолжали приходить. Но дождь настолько усилился, что становилось решительно неприятно оставаться долее на улице. С какого-то экипажа кто-то сказал несколько слов. Я в своей небольшой речи ограничился указанием, что это движение, начавшееся без моего участия, должно быть направляемо твердой рукой. Я предложил обратившимся ко мне избрать от всех частей уполномоченных и послать их после обеда в здание вокзала. Там мы приступим к совместной работе, если, конечно, они доверяют мне. Мне выразили с энтузиазмом полное доверие, и я уехал. Между тем огромные части моряков продолжали прибывать на площадь. Демонстрация протекала мирно. Наконец, когда дождь опять усилился, площадь стала понемногу пустеть.

В здании вокзала в 4-м часу дня собрались представители и уполномоченные различных морских частей. Одни из них были выбраны наскоро, другие явились сами, чтобы представить собою свое судно или свою часть. Всего собралось человек 50—60. Само собою разумеется, что с такой массой народа нельзя было приступить к работе. Я предложил поэтому избрать из них человек 7—9, которые и составят совет под моим председательством. Мое предложение было принято, но не могло быть осуществлено. Дело в том, что все эти люди почти совершенно не знали друг друга. Мне поэтому ничего не осталось делать, как смотреться в

лица присутствующих и самому избрать из них тех, которые производили впечатление, что с ними можно будет работать. Я должен, однако, сознаться, что мое умение по виду отгадывать людей, в данном случае не вполне оправдалось. Одного или двух из тех, на кого пал мой выбор, я больше вообще уже не видел, а третий также оказался неработоспособным. Это был штурман, выглядевший очень дельным человеком, а на деле оказавшийся далеко не таким. Впоследствии он не раз причинял мне неприятности, когда приказывал арестовывать людей без всяких на то оснований, исключительно на основании слухов.

Я по телефону снесся с Берлином, откуда мне ответили, что правительство готово немедленно принять некоторые из пред'явленных требований. Так, осужденных за восстание в 1917 г. мне обещали освободить в ближайшие же дни. Вообще Берлин высказал мне доверие и уверенность, что мне удастся справиться с делом и водворить здесь порядок.

ПРЕДАТЕЛЬ УКРЫВАЕТ ПРИНЦА.

Около 9 часов вечера ко мне ввалились люди, страшно взволнованные, и сообщили мне, что верховный начальник морских сил Балтийского флота принц Генрих только-что бежал из города в автомобиле под красным флагом. За городом его задержали, и два солдата, направлявшиеся, как и многие другие, домой, заявили, что они поедут с ним. Оба они встали справа и слева на подножки машины. В пути принц одного из них застрелил, а другой сам соскочил, и автомобиль, развив бешеную скорость, скрылся. Во след ему стреляли, но безрезультатно.

Я с самого начала сильно усомнился в справедливости этого сообщения. Я не мог представить себе, чтобы принц среди вооруженной толпы, не выказывавшей против него никаких враждебных намерений, решился на безумный поступок—застрелить человека. На многих солдат, находившихся в моей и соседней комнатах, известие это, не вызвавшее у них никаких сомнений, произвело потрясающее впечатление.

Один из них, стоя посреди комнаты, стал неистово кричать диким исступленным голосом: „измена, измена, нас предали!“ и повторял эти слова не менее 5 минут. На других его истерические крики произвели такое впечатление, что они точно обезумели. От меня стали требовать, чтобы я немедленно послал в догонку за принцем автомобили. Я не знал, находились ли в эту минуту под рукой какие-нибудь свободные автомобили, но для меня было совершенно ясно, что б ы л о б ы б е з у м и е м п о с л а т ь п о ч т и обезумевших людей в д о г о н к у з а у б е ж а в ш и м.

Я старался успокоить их, но напрасно. Разумные доводы не оказывали на них никакого влияния. Наконец, я указал им, что прямо опасно посылать ночью машины с людьми, так как возможно, что Киль уже окружен и что те и другие будут схвачены. Тогда от меня потребовали послать в догонку поезд с вооруженными людьми. На это я возразил, что это нужно обсудить с железнодорожным начальством. В это же время меня беспрерывно запрашивали со всех сторон то о том, то о другом, и я отвечал на все вопросы, насколько можно было в этой сутолоке. Когда прошел целый час, я об‘яснил окружавшим, что теперь уже не имеет смысла погоня, потому что прошло уже столько времени, что принц на своем быстром автомобиле верно укатил так далеко, что его не нагнать. Таким образом ему удалось убежать.

НОСКЕ ТОРМОЗИТ РЕВОЛЮЦИЮ.

Я приказал расклеить об‘явления, в которых извещал население о принятии на себя обязанности председателя совета солдатских и матросских депутатов.

Главной задачей казалось мне удаление с улиц вооруженных людей. Поэтому я еще во вторник вечером издал приказ, чтобы все холодное и огнестрельное оружие было сдано на хранение уполномоченным. С оружием могли на улицах появляться только назначенные для того патрули. Приказ этот был в точности исполнен. На следующий день я видел только отдельных людей вооруженными, но я останавливал их и напоминал об изданном приказе. Со среды в Киле не

было слышно уже ни одного выстрела. В общем все население добровольно подчинилось моей власти.

В отдельных случаях имели место кое-какие выступления. Солдаты превратили в род спорта посещение в ночные часы гостиниц для вылавливания офицеров. Пришлось во все эти дома поставить караулы. С одним из таких диких патрулей я столкнулся в среду поздно ночью сам, основательно разругал его и велел немедленно отпустить арестованных офицеров, что и было тотчас же исполнено.

Еще в среду мы не знали, имели ли мы дело в Киле с местным восстанием или с частью огромной революции, охватившей всю страну. Днем в этот день мне сообщили из Берлина, что в стране везде спокойно. Были приняты меры, чтобы в печать не проникло никаких сведений о событиях в Киле. Но многие матросы, раз'ехавшиеся во все стороны, явились вестниками революции: уже в первые часы они стремительно заполнили вагоны поездов и разнесли повсюду молву о том, что произошло в Киле. Находясь в водовороте, я, конечно, не мог иметь об этом никакого представления. Когда, в среду, в здании вокзала собрались уполномоченные различных частей, чтобы сообща обсудить текущие дела, я, на основании имевшихся у меня из Берлина сведений, мог думать, что восстание ограничивается одним Килем. В таком случае нужно было принять все меры, чтобы по возможности скорее водворить порядок. Для этого, однако, нужно еще было создать необходимую почву. Я описал окружающим наше положение, каким оно мне представлялось, и, между прочим, коснулся того ужасного состояния, в котором находится вся страна после нанесенного ей поражения. Отсюда я перешел к тем мерам, к каким нужно прибегнуть, чтобы по возможности скорее ликвидировать восстание в Киле, которое я лично всемерно осуждаю. Само собою разумеется, что те политические реформы, из-за которых народ поднялся, будут даны, но что касается амнистии, то на этот счет еще придется потолковать с правительством.

Слова мои, повидимому, произвели на слушателей сильное впечатление. Присутствовавшие в собрании

депутаты рейхстага Гофф и Струве говорили мне потом, что им никогда не пришлось слышать более убедительной речи. Обмена мнений я не допустил, но посоветовал присутствующим обсудить между собой и с товарищами все слышанное и представить свои соображения в большом собрании уполномоченных, которое должно состояться в тот же день вечером. Собрание уполномоченных закончилось без всякого результата. Было предложено вновь собраться уполномоченным на следующий день после обеда.

С БЛАГОСЛОВЕНИЯ ПРИНЦА — НОСКЕ ГУБЕРНАТОР.

Я несколько раз разговаривал в это время с канцелярией рейхстага, но там, повидимому, не могли составить надлежащего представления о том, что делается в стране. Принц Макс Баденский просил передать мне, что он очень хотел бы, чтобы я во что бы то ни стало оставался на своем посту в Киле. Мне передавали, что, узнав от кого-то о моей внезапной болезни, он выразился так: „вот этого несчастия еще не доставало".

Вечером, когда мы обсуждали положение дел с несколькими лидерами партий, стало известно по слухам, проникшим в Киль, что и в других городах произошли революционные восстания. В некоторых из них была провозглашена республика, а в Гамбурге матросы захватили власть в свои руки. На другой день слухи эти подтвердились. Нас собралось в здании вокзала человек 6 или 7, и мы приступили к обсуждению того, что следует предпринять. Было ясно, что революционное движение неудержимо идет вперед. Отныне лавировать нельзя было; нужно было взять бразды правления твердой рукой. Мы решили об'явить во всеобщее сведение, какой тактики намерен придерживаться впредь кильский совет в делах, касающихся Шлезвиг-Гольштейна. Я воспротивился провозглашению республики в провинции. Мы порешили, что сегодня после обеда в собрании солдатских и флотских советов будет предложено избрать меня

губернатором, ведающим всеми военными делами. Сообразно этому мы и действовали. Об'явление об этом было опубликовано и расклеено.

Я сообщил тогда же в Берлин о моем назначении и там его вполне одобрили. Официальный приказ об этом был потом изготовлен статс-секретарем морского министерства, г. фон-Мокком. Таким образом, кажется, первый раз в истории имел место случай, что человек, никогда не бывший военным, получил командование над 80.000 военных. 7-го ноября я издал свой первый приказ, который начинался следующими словами:

> Сегодня я единогласно избран уполномоченными и представителями соединенных военных частей, примкнувших к новому политическому строю, губернатором и немедленно вступил в отправление своей должности. В помощь мне избран «центральный совет солдатских и матросских депутатов», который... и т. д.

В этом приказе между прочим были такие пункты:

> Чины полиции в пределах губернаторства остаются все на своих местах.
>
> Оклад жалованья, поденные и экипировочные остаются прежние, довольствие—то же.

КАК ПРИНЦЕССЕ НЕ ПОМОЧЬ.

Из одной швейцарской санатории я получил 9 ноября 1918 г. следующее письмо.

> Сим прошу центральный совет солдатских депутатов в Киле свободного пропуска и охраны в пути для меня, маленькой принцессы, моей придворной дамы и прислуги в новый дворец в Веймар к великогерцогской чете.
>
> Адельгейд,
> супруга Адальберта прусского
> герцогиня Саксонская.

Тревожное состояние страны было причиной боязни принцессы пуститься в путь, без особенных мер предосторожности. Спустя несколько дней, ко мне явился ее гофмаршал справиться, не встречает ли каких-нибудь препятствий переезд на свою виллу в Киль принцессы, которая готовится скоро разрешиться от бремени.

Были приняты все меры, чтобы дать ей возможность благополучно совершить это путешествие. Для охраны ее были назначены два надежных солдата, ко-

торых днем не было видно. Позднее тот же гофмаршал явился ко мне еще раз с запросом относительно возвращения в Киль принца Адальберта, командовавшего небольшим крейсером. Я не сделал никаких возражений и против его возвращения и получил 26 ноября 1918 г. от этого гофмаршала следующую записку:

> На основании недавней беседы с г. губернатором имею честь почтительнейше сообщить ему, что его королевское высочество принц Адальберт прусский изволил прибыть вечерним поездом в Киль в понедельник 25 ноября, и остановиться в королевской вилле, Дюстернбрук, № 32—34.

НА „ГОСПОДИНА ГУБЕРНАТОРА" ПОКУШАЮТСЯ.

Когда я явился однажды на станцию, ко мне подошел огромного роста матрос, пожелавший, видимо, стать моим ангелом-хранителем, и таинственно вручил мне записочку следующего содержания: „будьте очень осторожны, сегодня в вас будут стрелять". В первую минуту мне приятнее всего было бы дать этому милому человеку здоровую пощечину. Такие предупреждения я получал потом неоднократно, хотя мне в Киле ни разу не удалось напасть на следы какого бы то ни было серьезного покушения против меня. В другой раз меня предупреждали, что в четверг, 24 ноября здание вокзала будет взорвано. Уже с утра я нашел повсюду усиленные караулы, но, конечно, ничего не было.

Ходили еще и другие слухи о покушениях на меня. Так, 30 ноября утром, мне доставили письмо, в котором советовали опасаться Фридрихсорта, где во главе стояли два прекрасных и честных члена совета. Между тем фридрихсортские матросы-артиллеристы очень хорошо относились ко мне и не раз выражали мне, в мою бытность там, свою преданность самым трогательным образом. Вечером из нашего совета сообщили мне по телефону, что опасаются покушения на меня, и что потому роздано оружие назначенным явиться по тревоге людям и что для меня держат под парами баркас. Я высмеял их и просил не придавать значения таким пустым слухам. Заботы обо мне легко могли роковым образом окончиться для меня. В средине моей речи морякам подводных лодок, в зале

произошло движение, и начальник охраны сообщил мне, что в некоторых казармах только-что пробита тревога, так как по полученным из Фридрихсорта сведениям, часть артиллеристов готовится уехать, очевидно, замышляя покушение на мою жизнь. Ошибка эта сейчас же раз'яснилась, и тут и там все успокоилось. Когда я закончил свою речь, начальник флотилии коснулся этого происшествия и обратился к командам с вопросом, кто из команд желает нести при мне охранную службу. Моментально с мест поднялись сотни две здоровых, крепких матросов, которые всячески выразили мне свою преданность.

НОСКЕ ПРИГЛАШАЮТ НА УСМИРЕНИЕ.

Моряки играли в Берлине в течение нескольких месяцев не особенно красивую роль.

9-го ноября Шейдеман писал мне в Киль из Берлина:

Любезный Носке!

Держись бодро. Здесь все идет вкривь и вкось, но мы надеемся все-таки, в конце концов, что все образуется. Войска все на нашей стороне.

Душевно преданный Ф. Шейдеман.

В первые дни революции весь берлинский гарнизон заявил о своей преданности и готовности служить шести народным уполномоченным, составлявшим правительственную коллегию. Но спустя уже несколько дней оказалось, что с этими не привыкшими к порядку людьми ничего не поделаешь. По требованию они не являлись, при тревоге не собиралось и 100 человек с оружием. Была сделана попытка подтянуть матросов.

13 ноября один очень дельный матрос, некто Вильке, явился ко мне с следующим документом:

Управление Коменданта. Берлин 12 ноября 1918 г.

Совету матросских депутатов в Киле.

Сим поручается пред'явителю сего, матросу Вильке, передать просьбу о возможно скорой высылке в Берлин 2.000 надежных матросов.

Комендант Отто Вельс.

На обратной стороне этого документа было написано чернильным карандашом следующее:

Берлин 12 ноября 1918 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Комендантура в Берлине передала по телефону в Альтону просьбу о снаряжении потребного количества вагонов для имеющих прибыть из Киля 2.000 матросов. У аппарата в Альтоне (разговор 12 ноября 2 ч. 20 м. пополудни) секретарь Альбертсен.

Кап. Сихтинг.

В виду прекращения железнодорожного движения отослать людей из Киля было невозможно. Туда из Куксгафена было послано 600 человек команды, составивших ядро прославившейся потом народной морской дивизии. К несчастью, люди эти попали в дурные руки. Одно начальство сменялось у них другим. Во дворце и в кавалерийских казармах, где они разместились, был невероятный беспорядок, особенно когда начальником их был граф Меттерних.

Члены кильского совета с некоторого времени не переставали советовать мне создать особый красный отряд. Состояние гарнизона было, действительно, более чем невозможное. Служба, собственно говоря, нигде не отправлялась, даже караулы едва-едва сменялись. Только в некоторых частях, где старые фельдфебеля или штурманы сохранили еще кое-какой авторитет, дело обстояло внешне более или менее удовлетворительно. Конечно, было бы очень желательно иметь здоровый воинский отряд, частью которого можно было бы всегда воспользоваться при необходимости. Но я не представлял себе действительной ценности такого „красного“ отряда. Мне советовали создать его из кильских безработных рабочих, отпущенных из армии и флота.

Создание „красного“ отряда затянулось на недели. Когда же однажды о нем опять зашла речь в собрании, где председательствовал уже Артельт, я прямо заявил, что из этого ничего не выйдет. У нас, говорил я, не мало таких матросов, на которых вполне можно положиться.

С представителем унтер-офицеров Гиршманном, очень дельным человеком, мне пришлось обсуждать во-

прос о создании группы активных людей, с которыми я в случае необходимости мог бы отправиться в Берлин. Полную готовность помогать мне в этом деле я встретил и со стороны председателя союза штурманов. Оба они оказали стране и правительству немалую услугу своею деятельностью. Так как последнее не располагало в Берлине никакой надежной силой, то я усматривал в этом причину возможных больших осложнений. 10-го января следующего года я уже приветствовал перед воротами Берлина кильскую бригаду.

Эти кильские моряки действительной службы сохранили ко мне преданность и никогда не причинили мне никакого позора.

НОСКЕ СОВЕТУЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ РЕШИТЕЛЬНО.

В Берлине дела в последнее время очень обострились. Раскол между независимыми и моими партийными друзьями из правительства стал окончательным. В беседах по телефону я настаивал на том, чтобы разойтись и действовать решительно. К этому, наконец, принудили народных избранников матросы, засевшие во дворце и ни за что не желавшие уходить оттуда.

23 декабря целая ватага их ворвалась в канцелярию канцлера с требованием денег. Они арестовали несколько народных уполномоченных. Городского коменданта задержали в кавалерийской казарме и угрожали ему смертью. 24 декабря по приказанию генерала Леки были вытребованы войска, находившиеся под Берлином для усмирения взбунтовавшихся матросов в замке и в казармах.

Рано утром помощник статс-секретаря Бааке позвонил мне и сообщил об этом. Сейчас—говорил он—грянет первый орудийный выстрел в мятежников, которые хвастали, что к ним на помощь явятся тысячи матросов из Киля. Конечно, это были вздорные слова, но они могли оказать на массу свое влияние. Я приказал немедленно собрать людей во всех казармах, переезжал из одной части в другую, говорил о позорных событиях, разыгравшихся в Берлине, и люди всюду меня единогласно уверяли в полной готовности служить

истинно демократическому правительству. Если бы оказалось необходимым, тысячи их пойдут за мной в Берлин, чтобы помочь водворить там порядок.

Я советовал своим берлинским друзьям действовать решительно, но, к сожалению, советы мои не могли быть исполнены. Я по телеграфу немедленно сообщил повсюду о лойяльном настроении кильских команд. Когда я говорил с канцелярией канцлера, мне сообщили о полной неудаче попытки усмирить мятежников. По требованию властей явилось только около 800 солдат, но они были буквально затерты тысячами мужчин, женщин и детей, которые не дали им сделать ни одного шага. С мятежниками начались переговоры, и солдаты ушли без результата. Само собою разумеется, что на них впредь уже нельзя было рассчитывать.

ШИРЕ ПРОСТОР ПАЛАЧУ.

„Ты должен немедленно прибыть в Берлин"—говорил мне на второй день Рождества по телефону мой друг Эберт. Я пробовал отговариваться, но тщетно. Для того, чтобы переговорить обо всем, достаточно было в сущности одного дня. Делать было нечего. Я взял небольшой чемоданчик и сел в автомобиль.

Увы, я ошибся. Моему губернаторству в Киле пришел конец.

Я неохотно последовал зову в Берлин и неохотно вступил в правительство, когда дела сильно пошатнулись. Служба моя дала мне мало радостей: только любовь к родине и желание добра народу побудило меня и моих друзей отдать свои силы и жизнь на служение молодой республике. Я счастлив тем не менее сознанием, что деятельность моя принесла мне много доказательств расположения и признательности, но зато тем более я страдаю при виде несочувствия, вражды и даже дикой ненависти ко мне известной части рабочих, из среды которых я сам вышел, с которыми я и по сей день чувствую себя крепко связанным, и на пользу которых я готов служить словом и делом, насколько позволяют мне мои силы.

Благодарности не знает политика. Да я никогда и не ждал ее. Поэтому я не испытываю никакого горького чувства по отношению к тем, кто взвалил на меня самые большие и неприятные тягости службы и кто при происшедшей неудаче старался потом лягнуть меня своим ослиным копытом за все понесенные мной труды и испытанные мучения. Клеветнические выпады я могу со спокойной совестью отклонить от себя. В немецком языке осталось вероятно мало бранных слов, которыми враги не клеймили бы меня, начиная с февраля 1919 года: „кровопийца" и „разбойник" были далеко еще не самые худшие из них. Те из врагов, которые громче других кричали, старались взвалить на меня вину за их ошибочную политику. Основные линии моего поведения были в течение 17 месяцев прямы и последовательны. Я стремился:

к предотвращению хаоса и

к оздоровлению народа трудом и работой.

КАК ОБСТОЯЛО ДЕЛО.

Осуществление всех политических и демократических реформ последовало тотчас после 9 ноября, когда согласно революционному праву, появились декреты о провозглашении республики, о всеобщем избирательном праве для лиц обоего пола не моложе 20 лет и о широкой амнистии. То, за что мы боролись в течение десятилетий, свалилось в руки немецкого народа в виде зрелого и готового плода. Настала истинная свобода.

Но на экономическом поприще таких готовых зрелых плодов не оказалось: требования об увеличенной выдаче хлеба, шпика, табаку и тысячи других вещей, которых народ был лишен уже в течение нескольких лет, в данный момент не могли быть удовлетворены. Восьмичасовой рабочий день—давнишняя мечта рабочих—был, конечно, декретирован; но для главных промышленных предприятий это не имело никакого существенного значения. Все фабрики и заводы были приспособлены к военным заказам. Переход их на мирные рельсы требовал известного времени. Многие рабочие должны были перейти на новые занятия, некоторые производства могли быть пущены в ход только

после доставки им необходимого сырья. Нужно было, наконец, дать рабочим передышку, которая была для них столь необходима.

Все, что может дать физический труд при питании, становившемся с каждым днем все хуже и хуже, они дали; понятна была поэтому некоторая развинченность и слабая работоспособность их после неслыханного напряжения сил во время войны. Но нужда не ждала: необходимо было приступить к работе. Нужно было наполнить материальные склады, создать машины и построить жилища, удобрить и обработать поля. Для всего этого требовался прежде всего уголь, добыча которого должна была как можно скорее возрасти. Только трудом и напряжением сил можно было создать товары и продукты питания.

ПО РУССКОМУ ОБРАЗЦУ.

„Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!" Таков был лозунг, с которым берлинских рабочих звали к жизни при новых порядках. Шесть народных уполномоченных должны были вести правительственные дела с диктаторскою властью до тех пор, пока завоевания революции и социализм не будут окончательно закреплены в жизнь. В стране вся власть должна была принадлежать советам рабочих, солдатских и матросских депутатов.

Берлинские полки заявили после 9-го ноября о своей преданности новому правительству. Но солдатская масса плохо повиновалась своим начальникам: на требование она не являлась. Точно также и полиция не подчинялась приказаниям, и ее пришлось разоружить. Призванный к начальствованию над ней независимый с.-д. Эйхгорн создал какой-то охранный полицейский отряд, но он ничего не стоил и с самого начала должен был, повидимому, стать орудием в руках независимых.

На борьбу влияли уже в ноябре месяце Либкнехт, Ледебур и Эйхгорн. По признанию Эриха Принца, молодого, энергичного человека, назначенного сейчас после революции командиром эйхгорновского охранного полицейского отряда, оружие было роздано рабочим

уже 6 и 7 декабря. Из разных оружейных мастерских и заводов были несколько раз вытребованы большие партии оружия и доставлены в главные квартиры коммунистов для раздачи его своим людям.

23-го декабря матросы морской дивизии подошли к зданию, где заседали народные уполномоченные, и арестовали большинство их. Доренбах впоследствии уверял, что он сделал это на свой собственный риск и страх; однако, известно, что из полиции он получил подкрепление в 200 человек.

24-го декабря произошло неудачное нападение на замок и кавалерийские казармы. Главари независимых в правительстве сделали это поводом к конфликту. Они выступили из правительственного кабинета, мотивируя свой выход тем, что ни в каком случае не желают вести такую политику насилия. Они указывали, что никакое правительство, тем более социалистическое и республиканское, не станет спокойно терпеть у себя насилие, и что они имеют гораздо больше прав применить к нему насилие же. Но для этого должны служить не войска со старыми офицерами, а рабочие массы.

Действительность скоро показала, что, имея дело с вооруженной толпой, можно достигнуть успеха только при помощи дисциплинированного войска.

НОСКЕ ЗАИГРЫВАЕТ С СОЛДАТАМИ.

Если я хотел чего-нибудь добиться в Берлине для водворения порядка, то должен был прежде всего войти в контакт с солдатами, чтобы быть к ним как можно ближе. Тайна моего успеха в Киле в том именно и заключалась, что я пользовался безусловным доверием солдатских масс. Но в рейхстаге я был точно пришит к месту из-за постоянных заседаний и вечных приемов. Для моих коллег именно роковое значение имело то, что они за протекшие два месяца слишком мало бывали в казармах.

С первым визитом я ранним утром отправился в замок и в кавалерийские казармы к морской дивизии. В замке я застал матросов за чисткой помещений. Я заглянул в одну, другую комнату—везде было пусто и

никого не было. В казармах меня ввели в караульное помещение. Оно было полно матросов, не спавших всю ночь. Неумытые и неодетые они производили не особенно приятное впечатление. Я назвал себя и моментально был окружен людьми, вступившими со мною в оживленную беседу. Однако, оказанный мне прием был не из любезных. Дело в том, что по приказанию моих коллег по управлению, замок и казармы были всего несколько дней тому назад обстреляны из орудий, при чем были убитые и раненые. Возбуждение, вызванное этим прискорбным событием, еще не улеглось и выражалось в очень недружелюбных словах, с которыми меня здесь встретили. Какой то матрос стал-было даже угрожать мне, но прочие товарищи немедленно остановили его. В общем, это были бравые матросы, которые, к сожалению, не находились в надлежащих руках. Мне дали провожатого, чтобы разыскать командира. Расставаясь с ними, я сказал, что по своему кильскому опыту надеюсь, что и в Берлине мне удастся стать в добрые отношения к морякам.

К сожалению, это не удалось. Где был их начальник—никто не знал. Путешествуя по этим обширным казармам, я попал, наконец, в какую-то канцелярию и здесь заглянул в очень чисто и аккуратно составленную ведомость. Из нее я узнал, что по крайней мере $^3/_4$ всех людей этой дивизии были демобилизованные, жившие здесь же, в Берлине, не нашедшие никакой работы и потому поступившие сюда на службу. Наша беседа была здесь прервана каким-то матросом, недоверчиво спросившим меня, на каком основании я позволяю себе оказывать давление на моряков. Однако, он тут же убедился в отсутствии у меня каких бы то ни было намерений на этот счет и проводил меня, когда я уходил домой. Начальника—Доренбаха—я так и не видел.

С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ НЕ СЧИТАЮТСЯ.

Независимый с.-д. Эйхгорн был уволен со своей должности начальника полиции, но он отказывался подчиниться. Надлежало удалить его из здания на Александровской площади, о чем должна была поза-

ботиться комендатура. В воскресенье, 5 января, посетил меня в канцелярии рейхстага, прусский министр Гейне и предложил отправиться вместе в находившееся наискось министерство для обсуждения отказа Эйхгорна подчиниться приказу правительства. Там мы застали уже вновь назначенного начальника полиции Евгения Эрнста и лейтенанта Фишера. Он доложил нам, что готовится ехать с Эрнстом в полицию, чтобы помочь ему вступить в должность. Я спросил его, как он думает поступить, и получил в ответ, что все, повидимому, обойдется благополучно, так как Эйхгорн несомненно уступит, как только увидит, что дело принимает серьезный оборот. Я все-таки настаивал и хотел знать, как будет поступлено в случае его отказа. Фишер уверял, что на этот случай у него все готово: люди уже под ружьем и только ожидают приказаний.

Дело, как оказалось, действительно приняло дурной оборот. Откуда Фишер добыл своих людей, я и по сей день не знаю. Знаю только, что в дело он их не пустил, и что после некоторых переговоров в полиции они с Эрнстом удалились, ничего не достигнув. Эйхгорн еще целую неделю продолжал оставаться на посту начальника берлинской полиции. Неудачная попытка сместить его, несомненно, сыграла большую роль, очень обострив события.

СПАРТАКОВЦЫ ВЫСТУПИЛИ.

В этот день опять были многочисленные уличные демонстрации. Под Липами шла огромная толпа мужчин, женщин и военных с красными знаменами и плакатами. От времени до времени кто-то кричал: „Да здравствует Либкнехт и Гаазе!“ и „Долой Эберта и Шейдемана!“ Толпа сейчас же подхватывала и повторяла эти крики. Я наблюдал в числе других зрителей эту демонстрацию. Меня еще так мало знали в Берлине, что я мог безбоязненно находиться на улице. Манифестация длилась несколько часов. Если замечали вернувшегося с фронта солдата с кокардой на фуражке, ее сейчас же срывали. В остальном, впрочем, все было спокойно.

Настроение толпы изменилось, когда появился Либкнехт и с автомобиля начал произносить одну из своих зажигательных речей. Я несколько минут слушал его и нашел его еще более экзальтированным, чем обыкновенно.

В нравственной чистоте и правдивости этого несчастного человека сомневаться нельзя: он был искренне убежден в том, что говорил. Но в последние дни он сделался до такой степени нервным и раздражительным, что в заседаниях фракции я не раз говорил, что считаю его положительно невменяемым.

На улице Вильгельма могло быть неспокойно, и потому мы, члены правительства, решили собраться в другом месте. Я нашел там Эберта и Бааке, когда достаточно наслушался на улицах криков толпы „долой...“ Дело шло к вечеру, и день, повидимому, заканчивался без особых происшествий. Вдруг нам дали знать, что спартаковцы заняли редакцию газеты „Форвертс“. Немного спустя пришло другое известие, что они заняли еще несколько редакций. Мы сидели подавленные этими сообщениями. Итти домой было небезопасно; отправиться в ресторан пообедать также нельзя было, так как кельнеры забастовали. К счастью, я встретил знакомого, который угостил нас всех обедом. К нему поздно вечером явились и Шейдеман с Бааке. Мы долго совещались, но не пришли ни к какому результату, так как совершенно нельзя было предвидеть, что будет в Берлине завтра. В то время как другие беседовали и пили, я лег на диван и заснул, так как к следующему дню нужно было иметь спокойные нервы. В 2 часа ночи на улице Вильгельма не было ни души. Я отправился к себе на квартиру и в последний раз провел в ней ночь.

ПАЛАЧ ВЗЯЛСЯ ЗА КРОВАВОЕ ДЕЛО.

В понедельник 6-го января я уже около 8 часов утра был в канцелярии. По обыкновению здесь толпилась масса народу. Известные берлинские социал-демократы в резких выражениях в беседе со мной стали осуждать моих коллег за то, что они слишком медлят положить предел действиям Либкнехта и его товарищей.

Они говорили, что ждут от меня, что я прибегну к решительным мерам. Вся улица Вильгельма была полна тысячами наших единомышленников, присланных из разных заводов, чтобы помешать спартаковцам занять здание правительства. Толпа стояла на улице вплотную, чтобы не дать возможности устроить какую-нибудь демонстрацию.

Члены правительства собрались вместе с центральным советом для обсуждения положения дел. Почти все редакции газет и телеграфное агентство Вольфа были заняты спартаковцами и независимыми. В данную минуту против этого ничего нельзя было предпринять. Вызвать полицейский отряд Эйхгорна мы, конечно, не могли; комендатура же об'явила нам, что и она не в состоянии помочь нам с республиканскими солдатами, так как они не хотят повиноваться. Что же касается войск в казармах, то о них и речи не могло быть. Я высказался за то, что настал момент действовать с оружием в руках, и мне никто не возражал. Военный министр полковник Рейнгардт изготовил приказ о назначении правительством и центральным советом генерал-лейтенанта Гофмана главнокомандующим. Последний находился с несколькими воинскими частями недалеко от Берлина. Стали говорить, что рабочие ни в коем случае не будут согласны с назначением на этот пост генерала.

Время шло. На улицах наши люди требовали оружия, а мы, возбужденные, находились в рабочем кабинете Эберта. Я потребовал принять, наконец, какое-нибудь решение. Кто-то спросил меня: „не возьмешься ли ты за дело?“ На это я коротко ответил: „Отчего-ж! кто-нибудь из нас должен же, наконец, взять на себя роль кровавого усмирителя; я не боюсь ответственности“. Рейнгардт думал, что я всегда ожидал такого предложения. Был отдан устный приказ о предоставлении мне правительством и центральным советом самых широких полномочий для водворения в Берлине порядка. Рейнгардт тут же зачеркнул в приготовленном приказе фамилию Гофмана и написал мою. Таким образом состоялось мое назначение главнокомандующим. Однако, я никогда не ви-

дел его напечатанным и не получил приказа об этом назначении.

Нельзя было терять ни минуты. Я отправился с одним молодым капитаном, одетым в штатское платье, в здание генерального штаба, чтобы обсудить с находившимися там офицерами необходимые меры. На улице толпа приветствовала меня с энтузиазмом. Меня подняли на плечи, и я в двух словах сообщил о своем назначении главнокомандующим. Я и сам не знал, что я собственно имею в виду делать, но все-таки заявил окружавшим меня: „Положитесь на меня, я водворю порядок в Берлине".

Пройдя улицу Вильгельма, мы Под Липами натолкнулись на пикет независимых и спартаковцев. Это была уже не мирная демонстрация. Возле Бранденбургских ворот, у Тиргартена и здания генерального штаба я встретил вооруженные толпы рабочих. Возле колонны победы стояли тяжелые грузовики с пулеметами. Я вежливо попросил пропустить меня, так как у меня есть неотложное дело, и меня свободно пропустили. Если бы эти толпы имели решительных и дельных вождей, а не болтунов, они уже утром этого дня могли бы овладеть Берлином.

„СПАСИТЕЛЬ БЕРЛИНА".

История создает легенды. Полковник Рейнгардт, выйдя в отставку из 4-го гвардейского полка, попал, благодаря национально-немецким политикам, в „спасители Берлина". Нельзя отрицать, что известные заслуги числятся за ним в деле водворения порядка.

Но для спасения Берлина требовались совсем другие войска, чем та пара сотен людей, которыми он мог располагать 6-го февраля.

В одной из комнат, в здании генерального штаба, находились у меня около 12 часов этого январского дня, вместе с другими офицерами, майоры генерального штаба фон Гаммерштейн и фон Штокгаузен, которые, начиная с этого времени, были моими надежнейшими помощниками и оказали мне множество услуг. На площади перед зданием двигались, демонстрируя, массы народа. Если бы кто-нибудь пожелал занять здание, в котором

мы находились, вряд ли нам удалось бы отстоять его. Было ясно, что нам не удастся удержаться здесь. Мы наскоро стали совещаться, можем ли мы в настоящую минуту оказать какое-нибудь вооруженное сопротивление. Мы могли бы выслать несколько сот человек, но я высказался против дробления наших сил, и меня в этом дружно поддержали. Я предложил удалиться из Берлина и только тогда начать действовать, когда мы будем располагать достаточными силами, чтобы гарантировать себе успех. Мы наметили нашей главной квартирой общежитие имени Луизы в Дарлеме, лежащее в открытой местности, а потому удобное для защиты. В этом общежитии помещался пансионат для девочек не старше 12-летнего возраста.

В 3 часа дня я первым явился туда и сообщил его почтенной начальнице, что ее здание необходимо нам для военных целей. Ученицы были по случаю каникул в отпуске, и мы могли немедленно занять его. Уже какой-нибудь час спустя во всем доме раздавались тяжелые шаги людей, проводивших телефон. Комнаты наполнились работавшими солдатами. В одной из классных комнат поставили для меня в одном углу маленький стол, в другом узкую ученическую кровать — и штаб-квартира моя была готова. К вечеру явился майор фон Гильза, командированный в мое распоряжение военным министром. Он до ухода в отставку был одним из самых энергичных и преданных мне помощников.

Ночью пришлось мало спать, так как все время необходимо было подписывать разные бумаги и отдавать приказания устно или по телефону. Во вторник с раннего утра наш дом походил на муравейник: устраивали одно бюро за другим. Являлась масса добровольцев для вступления в разные военные части. Была прислана огромная партия всевозможного оружия. Прибыла артиллерия и пулеметы на грузовиках. Из разных казарм и депо были привезены всевозможные телеги и повозки, которые составили целый парк. В поле, недалеко от здания, была устроена станция беспроволочного телеграфа. Через три дня вся эта местность напоминала собой военный лагерь. Солдаты работали с необыкновенной энергией и быстротой. Одним из самых трога-

тельных наших помощников был капитан Пабст, офицер штаба гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии. В Цоссенском лагере устроился генерал Меркер со своими егерями, по деревням разместились другие небольшие военные части. Все они пополнялись массой студентов, служащих и рабочих, являвшихся в Дарлем с предложениями своих услуг в качестве солдат. Я переезжал из одной части в другую и всюду об'яснял людям, какого рода задачи предстоят им.

Генерал Меркер и другие офицеры готовились двинуться со своими батальонами на восточную границу, где русская красная армия теснила наши отступавшие войска, и где поляки захватывали нашу территорию. В Киле в это время была создана новая бригада в 1600 человек, которая также готовилась отбыть на восток. Но я направил ее на Берлин. Радикальные элементы пытались, но тщетно, помешать мне в этом. Когда стало известно, куда я посылаю эту бригаду, на меня посыпался дождь телеграмм, предупреждавших меня, что бригада эта ни в каком случае не может быть послана на Берлин, так как она назначена на восточную границу. Тем не менее, в ночь с четверга на пятницу 10-го февраля кильцы расположились в деревнях под Берлином, и я в пятницу утром приветствовал их на новых местах расположения. Мне необходимо было переговорить с некоторыми морскими офицерами, находившимися при бригаде, и с начальником отдельных частей, большею частью штурманами и фельдфебелями, для улажения кое-каких вопросов, касавшихся офицеров.

Меня часто в последнее время упрекали в том, что я передал войска в руки прежних офицеров. Кильские военные товарищи, бывшие большею частью унтер-офицерами и штурманами, требовали от меня, чтобы во главе их непременно стояли офицеры, так как только под руководством их они будут обеспечены от напрасных потерь в людях. Таким образом, во всех частях начальниками являлись фронтовые офицеры. Я ознакомил бригады с протестами по поводу отсылки их на Берлин, и люди зажглись желанием явиться первыми в Берлин.

Я должен был, помимо текущих дел, об'езжать ежедневно войска, и, кроме того, меня почти ежедневно вызывали в Берлин в министерство для обсуждения всевозможных дел. Положение Берлина было прямо невозможное. Городом овладели вооруженные банды. В экипаже я не мог проехать на улицу Вильгельма. У Потсдамского вокзала, на Будапештской улице, у Бранденбургских ворот, на площади Вильгельма—всюду шла ружейная стрельба. От пуль совершенно нельзя было укрыться. Население было возмущено и в ужасе от всего этого. Редакции газет были все еще заняты спартаковцами. Коллеги мои находились точно в ловушке. О какой-нибудь правильной работе нельзя было и думать. Со всех сторон меня осаждали нетерпеливыми просьбами явиться с войсками и положить всему этому конец. Но я отклонял все подобные просьбы, так как неудачу считал хуже, чем продолжение этого тяжелого положения еще на несколько дней.

Независимые подсылали ко мне людей, чтобы позондировать почву на счет освобождения газет за известные, конечно, уступки с нашей стороны. Но я не шел ни на какие компромиссы.

Не мало забот стоило нам обсуждение в главной квартире в Дарлеме положения дел в Шпандау. Там утвердились и терроризовали население хвастуны, которые раньше, до революции, не смели рот раскрыть и показаться на улице, а теперь разыгрывали из себя отчаянных радикалов и наиболее сознательных рабочих. Они заняли ратушу и всецело господствовали в ней. При движении на Берлин шпандауские толпы могли бы угрожать левому флангу войск. Однажды, ко мне в Дарлем явились из Шпандау один подпрапорщик и еще несколько человек и рассказали мне о своем намерении. Они говорили, что если бы только имели огнестрельное оружие, то собрали бы достаточно людей, чтобы выбить террористов из ратуши и положить конец их террору. Я приказал на следующий день сделать это, что и было успехом выполнено. Вскоре шпандауские радикалы явились ко мне с уверениями в своей преданности. При нападении на ратушу были человеческие жертвы. Кроме того, несколько человек, которых везли в берлинскую тюрьму, были по дороге

застрелены, так как они сделали по словам конвоя попытку к бегству. Доказательств противного ко мне не поступило.

Таким образом, мы обезопасили себя со стороны Шпандау при движении на Берлин. Необходимо было позаботиться также о тыловом прикрытии в западных предместьях города, чего можно было достигнуть, создав отряды из населения и вооружив их для охраны спокойствия и порядка после прохода войск. В эти отряды мы охотно принимали социал-демократов, причем независимым, конечно, не давали на руки оружия. К сожалению, многие из нашей партии не решались вступать в эти отряды, а потом сами же жаловались, что отряды были полны буржуазных элементов.

ПОХОД НА БЕРЛИН.

В пятницу, 10-го января я был опять в Берлине на заседании кабинета. Возбуждение в министерстве достигло крайних пределов. Ожидали самых грозных событий, если я дальше буду медлить и не явлюсь с войсками на следующий же день. Никакие доводы мои не действовали. Я должен был уступить и об'явил, что сегодня же ночью введу в Берлин несколько воинских частей и между ними, как центральное ядро, кильскую бригаду. Я тотчас же издал соответствующий приказ. В это же время были готовы к нашим услугам и несколько полков берлинского гарнизона, а также один потсдамский полк. В ночь с пятницы на субботу 11-го января редакция газеты „Форвертс" была взята штурмом.

В субботу утром был отвратительный дождь. Я пошел в Берлин пешком во главе отряда в 300 человек рядом с командиром его, полковником Дестьеном. Никто не мог предсказать, каков будет исход дела. Возможен был сильный бой на улицах Берлина. Наш путь лежал чрез Потсдамскую улицу. Но как только население узнало, что это за войска, сейчас же начались в отношении нас дружественные манифестации. Затем мы прошли по Лейпцигской улице, Вильгельмовской и мимо Тиргартена вышли в предместье Берлина. Я распорядился выдать людям за этот успешный марш особое денежное вознаграждение. Таким образом, с плеч Бер-

лина свалилась, наконец, гора, которая давила его целую неделю.

В понедельник нужно было наладить кое-какие военные дела. Во вторник утром морская бригада заняла часть города Моабит. 15-го, в среду, были заняты другие части Берлина. 19-го, в воскресенье, происходили выборы в национальное собрание. Утром я об'ехал большинство северных пунктов, Новый Кельн и др. Выборы повсюду протекали мирно, без помех. На улицах во многих местах стояли орудия и пулеметы, патрулировали автомобили, наполненные солдатами, и танки, но нигде не раздавалось ни одного выстрела. Весь день прошел без всяких инцидентов.

УБИЙСТВО ЛИБКНЕХТА.

Удовлетворение, испытанное кабинетом по поводу почти беспрепятственного овладения Берлином, было очень неприятно нарушено в четверг 16-го января убийством Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Когда я утром явился в министерство, то нашел своего коллегу Ландсберга и помощника статс-секретаря Бааке совершенно подавленными этим происшествием. Оба были того мнения, что это будет иметь для всех пагубное последствие. Я смотрел на это гораздо спокойнее. Конечно, подробности убийства обоих вождей спартаковцев были ужасны. Надо было ожидать в связи с ним чрезвычайного обострения агитации и раздражения подавленных независимцев и спартаковцев. Отчасти этому способствовала и часть буржуазной прессы, которая в сенсационных выражениях описывала подробности этого убийства.

Убийство Либкнехта и Розы Люксембург можно объяснить только безумным настроением масс; в это время Либкнехт, как одержимый, носился последние недели по всему Берлину, и он вместе с Розой Люксембург явился причиной того, что бескровно начатый переворот закончился гражданской войной со всеми ее ужасами. Тысячи людей жили в Берлине в это тяжелое время в страхе и ужасе. Январские бои стоили населению мно-

гих жертв. Несомненно, пред многими стоял в это время вопрос, не найдется ли кто-нибудь, кто сделал бы безвредным этих нарушителей всеобщего покоя. Среди тех, кто задавал этот вопрос, не нашелся ни один, кто взялся бы за его решение. Но когда ужасное дело было сделано, к погибшим покатилась волна сожаления и сострадания. Я ненавижу всякое убийство. Но по поводу убийства Либкнехта и Люксембург особенно громко ламентировали те именно господа, которые при не менее трагических обстоятельствах оставались совершенно спокойными.

Убийство всегда остается убийством. Независимые и спартаковцы, преступно игравшие жизнью многих граждан, только тогда загорались огнем гнева и негодования, когда в революции гибли люди их образа мыслей. В Галле 2-го марта был убит полковник Клюбер самым зверским образом. Когда суд вынес его убийцам обвинительный приговор, берлинский орган независимых ни одним словом не обмолвился об этом. Потом эта газета обманывала своих читателей, пребывавших относительно процесса в полном неведении, ложными сообщениями, будто против обвиняемых нет, собственно, никаких явных улик, и что обвинительный приговор является только обычным приемом классовой борьбы. Убийство Клюбера газета об'ясняла тем, что явившиеся накануне в Галле „войска Носке“ озлобили народ до крайней степени, и результатом этого явилось такое преступление.

Как главнокомандующий, я утвердил приговор, постановленный над убийцами Либкнехта и Люксембург после того, как высшие авторитеты гражданского и военного суда любезно подтвердили мне, что при повторном расследовании дела, обвиняемым не грозит никакое увеличение наказания.

ПАЛАЧА ПРИГЛАШАЮТ НА ГАСТРОЛИ.

Нужно признаться, что берлинское правительство в лице народных уполномоченных не пользовалось в стране достаточным авторитетом. В каждом городе был свой совет ра-

бочих и солдатских депутатов, или только рабочий совет, который имел надзор за всеми учреждениями, в некоторых случаях представляя собою и местную военную власть; там, где имелся гарнизон, был только солдатский совет, который контролировал военные дела, если только не являлся сам непосредственным начальством. В некоторых отдельных случаях эти советы рабочих и солдатских депутатов, которых не следует несправеливо и огульно осуждать, проявили даже выдающуюся деятельность, зато в иных местах они представляли собою недостойное насильственное господство меньшинства, которое вооружилось и захватило всю власть в свои руки.

Первым городом, потребовавшим нашего вмешательства, был Бремен. Независимые сразу после революции первым делом захватили там в свои руки местную газету нашей партии. Свобода печати и собраний была жестоким образом подавлена. Насилию подвергались и буржуазные органы прессы. Рабочие всячески против воли своей побуждались к забастовкам. Касса нашей политической фракции была реквизирована, из банков насильственным путем взят текущий счет „Бременской Гражданской газеты“ [1]. Вернувшийся с театра военных действий Бременский полк был коварным образом обезоружен. Перед городскими воротами ему, после переговоров, было гарантировано почетное вступление, но, когда он вошел во двор казармы, спартаковцы встретили его с пулеметами, и он должен был сложить оружие. Служащие везерской судостроительной верфи были заперты в своих помещениях и должны были подвергнуться обстрелу при готовившемся на них нападении. Наконец, в Бремене было об'явлено осадное положение и введена смертная казнь.

От населения Бремена стали поступать в Берлин одно воззвание о помощи за другим. Положение Бремена и неуверенность, царившая в нем, являлись серьезной угрозой для привоза жизненных продуктов в Германию. Представления, сделанные нами тамошним радикалам, ни к чему не повели. Ничего иного не ос-

[1] Орган с.-д. партии.

тавалось, как восстановить порядок силою оружия. Мы послали туда отряд под начальством Герстенберга, к которому была присоединена кильская морская бригада. Но тут в дело вмешались гамбургские социал-демократы и совет солдатских депутатов IX-го армейского корпуса в Альтоне.

Совет этот писал нам:

Делетаты солдатских советов IX армейского корпуса горячо протестуют против посылки войск в область его расположения.

Советы решили сами всемерно поддерживать порядок.

В поступке правительства мы усматриваем об'явление войны IX армейскому корпусу и готовимся сделать необходимые отсюда выводы. Мы готовы всячески противостоять каждой попытке уничтожить революционные завоевания и твердо уверены, что нас поддержит значительное большинство солдатских советов Германии.

Мы требуем немедленно отозвать войска, посланные в места находящиеся в пределах расположения IX армейского корпуса.

Совет считал, что Бремен принадлежит к сфере влияния корпуса, где он может распоряжаться. От него, стало-быть, должно было зависеть, по его мнению, всякое военное действие. Когда я не согласился с подобной постановкой вопроса и велел продолжать приготовления против Бремена, из Гамбурга стали угрожать, что они двинутся на освобождение Бремена.

В Куксгафене один летучий листок в следующих словах требовал об'явления мобилизации для того, чтобы итти на Бремен:

Солдаты и рабочие, защитники народных прав! К вам обращена горячая мольба:

Защитите свободу и права народа!

Реакция задумала нанести решительный удар с целью уничтожить все завоевания революции.

Вас хотят опять отдать под начальство старых столь ненавистных вам офицеров. Желаете ли вы опять попасть в ежовые рукавицы и слепо подчиняться?

Час приближается. Капиталисты и офицеры обнаружили свои позорные планы: уничтожить советы рабочих и солдат.

Если у вас отнимут эти революционные завоевания, вы опять будете всецело отданы во власть старой системы безграничного офицерского произвола и насилия. Поход против Бремена должен решить полное поражение рабо-

чих и солдат, освобожденных от тисков милитаризма. Вот для чего собрали такую огромную армию офицеров, наемников и белогвардейцев.

Если падет Бремен, то постепенно уничтожат советы, сперва во всех городах и селениях береговой полосы, а потом и во всем государстве.

На помощь бременцам спешат сильные колонны всего округа расположения IX армейского корпуса. Создаются новые отряды рабочих и солдат. 30.000 рабочих судостроительных верфей бурно потребовали оружия. Совет солдат сам решил вооружить их. Скоро будет готова хорошо вооруженная и снабженная армия решительных революционеров, которые быстро бросятся вперед, чтобы уничтожить эти банды белогвардейцев под командой контр-революционеров,

Долой рабство, владычество капитала и военная диктатура!..

Совет солдатских депутатов в Куксгафене.
Скрепил Шютте.

В воскресенье 2-го февраля нам сообщили из Гамбурга, что в Берлин с экстренным поездом отправилась депутация членов рабочего и солдатского совета с целью сделать последнюю попытку удержать правительство от его намерения выступить против Бремена. Она была принята нами в тот же день вечером, в здании министерства. Гамбургцы и альтонцы в очень сильных выражениях описывали нам все, на что они решатся, если правительство не уступит им, именно: IX корпус поставит под ружье 50.000 человек и произойдет страшное кровопролитие. Наконец, они предложили, что готовы на то, чтобы бременцы подчинили свои военные действия контролю солдатского совета в Альтоне.

Когда мы вчетвером совещались по этому поводу (5-й член коллегии временно отсутствовал), мне подали теллеграмму, в которой извещали, что в случае, если не будет отменено наше решение относительно Бремена, на следующий же день забастуют 150.000 горных рабочих. Я спрятал теллеграмму в карман. Мы пришли к решению довести дело с Бременом до конца, так как в противном случае правительство может считать себя ликвидированным, ибо никто уважать его не станет. Все предложения гамбургцев были отклонены.

Я правильно оценил полноту власти гамбургского корпусного совета. Хотя он об'явил мобилизацию, но на его приказ явилось всего несколько сот человек.

Железнодорожный персонал бросил поезд посреди поля. При первом нечаянном выстреле вся эта толпа героев подумала, что ее атакуют, бросила оружие и пешком вернулась в Гамбург.

Бремен был взят после боя, длившегося один день.

По поводу занятия Бремена „Гамбургское Эхо" писало:

„Нам, социалистам, тяжело пережить события, разыгравшиеся в Бремене. Мы не перестаем думать о грядущих последствиях их. Еще одна такая победа, как в Берлине, и одно такое поражение, как в Бремене, и корпус офицеров и буржуазно-аристократическая реакция будут иметь то, что им нужно, именно совершенный аппарат вновь осознанного собственного достоинства и своей силы".

Это было не совсем неправильно: офицерство действительно сильно ожило в эти и в следующие дни, когда увидело, как его употребили в дело. Если бы независимые не были покинуты всеми своими способными трезво рассуждать членами, они остались бы спокойными и способствовали бы сосредоточению сил пролетариата.

За занятием Бремена пришлось снарядить такую же экспедицию сперва в Бремергафен, откуда вооруженные люди явились в Бремен, а потом и в Куксгафен, где совет солдат вел себя особенно возмутительно, об'явив его, между прочим, свободным коммунистическим государством.

КУДА ДЕВАТЬСЯ С УЧРЕДИЛКОЙ?

Нами часто обсуждался вопрос, где открыть национальное собрание, когда обстоятельства в Берлине значительно изменились к худшему. Правительству невозможно было спокойно заниматься своими делами. Оно постоянно находилось под давлением улицы: демонстрации не прекращались на улице Вильгельма, депутации постоянно являлись одна за другой и требовали, чтобы их непременно приняли.

У нас не было никакой уверенности, что национальное собрание сможет беспрепятственно работать в Берлине, несмотря на присутствие в нем значитель-

ного количества войск. Мы все чаще и серьезнее подымали вопрос о переселении в Веймар, но Шейдеман и Ландсберг были против этого. Эберт руководствовался чисто практическими соображениями, что невозможно месяцами охранять при помощи оружия народное представительство от давления демонстраций. У всех было еще свежо в памяти воспоминание о том, как первый с'езд советов многократно подвергался попыткам насильственного воздействия.

Помощник статс-секретаря Бааке задался мыслью воскресить во что бы то ни стало для Германии старый Веймар. В понедельник, 20-го января, я дал приказ готовиться к переезду в Веймар, нисколько не скрывая от себя всех неудобств того, что народное представительство и правительство будут отрезаны в течение целых месяцев от правительственных учреждений. Я основывался, между прочим, на сообщениях генералов о чрезвычайно сильной пропаганде среди солдат со стороны независимых и спартаковцев, вследствие чего генералы не могут ручаться за войска, если это еще дальше будет так продолжаться. В виду этого я не мог иметь надлежащих гарантий, что национальное собрание будет достаточно ограждено в Берлине от всяких случайностей. Мне ничего более не оставалось, как удалиться в Веймар.

Веймар можно сравнительно легко защитить военной рукой. Генералу Мэркеру было предложено взять на себя защиту Веймара, в случае надобности, оружием, причем он должен был послать туда немного войск, но зато держать побольше войска в окрестностях Веймара. Когда наши квартирмейстеры явились в Веймар, местный совет приказал разоружить и арестовать их. Мне в Берлин была послана телеграмма, в которой говорилось, что тюрингенцы не желают иметь у себя иногородние войска. Я ответил, что будет наложено строжайшее взыскание в случае, если будет арестован хотя бы еще один солдат. Других трений не было.

В понедельник, 3-го февраля, немедленно после нашего прибытия в Веймарский замок, где мы остановились, к нам явился местный солдатский совет вместе с

представителями из Эйзенаха и некоторых других мест. Переговоры наши начались в несколько повышенном тоне, так как члены совета чувствовали себя господами Тюрингии. Однако, тон их значительно поубавился, когда я сказал им, что не уверен, не придется ли сегодня же арестовать весь совет и подвергнуть его строгому взысканию за разоружение наших квартирмейстеров. Известное впечатление произвело также сообщение, что я стянул к Веймару около 7000 солдат. Переговоры закончились торжественным уверением совета, что никто из членов его не имеет и в мыслях ничего против национального собрания.

СПАРТАКОВЦЫ РАЗ'ЯСНЯЮТ ПРАВДУ.

Бессовестные люди не упускали ни одного случая, чтобы не пользоваться всякой ложью с целью восстановления против нас народных масс. Они заботились только о том, чтобы толкать дальше революцию вместо того, чтобы начать думать о восстановлении попранной Германии и об избавлении народа от новых бедствий. По крайней мере, те из вождей независимых, которые трезво смотрели на окружающее, отлично понимали, что в настоящую минуту не было, конечно, никакой возможности удовлетворить хотя бы наиболее насущные материальные потребности страдающего народа. Тем не менее, делалось все, чтобы по возможности взвинтить и ожесточить его всевозможными баснями о том, будто правительство предает его и продает капиталистам. Подобной нелепой болтовне верили многие несознательные люди, становившиеся жертвами этих народных басен.

5-го февраля центральный совет коммунистической партии опубликовал в „Красном Знамени" следующее воззвание:

> Правительственные войска заняли Бремен; не помогли никакие уступки рабочих, которые дошли до предельных границ возможного. Они согласились на роспуск своих народных комиссаров и на выдачу всего оружия и аммуниции.
>
> Но господам Эберту, Шейдеману и Носке этого недостаточно: они хотят сесть на шею пролетариату, который должен быть еще более унижен, чем был до сих пор,

Эберт, Шейдеман и Носке мечтают железом и кровью создать торжество капитализма.

В истории борьбы классов нет примера, чтобы проливалась человеческая кровь так легко, бесчеловечно и цинично, как это сделали в Бремене господа Эберт-Шейдеман-Носке.

Эти правители полагают, что они могут всех превратить в порошок.

Теперь начинается новая правильная травля, которая является прелюдией к введению осадного положения.

Господа Эберт Шейдеман-Носке об'явили уже, что намерены опять прибегнуть к этому позорному закону.

На улицу, рабочие и пролетарии!

Собирайтесь в мастерских и на фабриках и заводах! Принимайте резолюции, которые покажут насильникам вашу волю!

Немедленно избирайте новые рабочие советы!

Долой Эберта-Шейдемана, этих кровопийц и предателей из среды рабочих!

Советы рабочих! В окопы! Поставлено на карту ваше существование!

Собирайтесь! Окажите противодействие насилию и террору!

Советы солдат! На улицу! Воздайте возмездие убийцам ваших братьев!

Избирайте новые советы!

Долой Эберт-Шейдеманов, которые предали вас офицерам!

Мы требуем, чтобы немедленно собрался и берлинский совет рабочих и произнес свой приговор над кровопийцами.

Посылайте массовые протесты против этих разбойников! Долой Эберт-Шейдемана. Да здравствует социальная революция!

Два дня спустя, в той же газете появилось еще следующее воззвание:

Измена Эберт-Шейдемана делу пролетариата становится с каждым днем очевиднее. Кровь пролитая ими в течение этих недель, упадет на их голову.

Пролетариат пробуждается и начинает понимать ту ложь, которою его окутывают. Даже их собственные единомышленники покидают их.

Рабочие, соберитесь немедленно в своих мастерских!

Избирите немедленно новые советы!

В эти советы не должен попасть ни один изменник, ни один единомышленник Эберт-Щейдемана. На их руках кровь рабочих! Советы должны опять взять в свои руки власть, отнятую у них 9 ноября.

Советы, соединитесь вместе и действуйте сообща!

Выступите немедленно соединенными силами на защиту страны. Центральный совет предал вас национальному собранию! Создайте новую центральную инстанцию!

Господа Эберт-Шейдеман хотели стереть вас в порошок; они хотели бросить национальное собрание камнем на гроб революции.

Восстаньте с удвоенными силами! Пролетарская революция должна победить!

Долой национальное собрание!

Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!

В Берлине имели место случаи нападения на солдат демонстрирующими безработными. К сожалению при этом пришлось пустить в ход огнестрельное оружие. Это обстоятельство дало повод „Красному Знамени" обрушиться на нас следующей статьей:

КРОВАВАЯ БАНЯ, УСТРОЕННАЯ НОСКЕ БЕЗРАБОТНЫМ.

На невооруженных безработных нападают войска Носке и убивают их. Безработные, голодающие пролетарии! Вы являетесь немым укором капитализму, который не терпит никаких жалоб и обвинений. Эберт-Шейдеманы, его рабы, занесли над вами бичь, с целью принудить вас к работам. Они грозят отнять у вас средства к жизни—заставить вас умереть от голода.

Но голод действует не так скоро, как они хотят, и потому им на помощь явились пулеметы. Ценою вашей смерти капитализм, в лице правительства Эберт-Шейдемана, желает купить свое существование.

Рабочие на фабриках и заводах! Безработные на улицах! Кровопийцы Эберт-Носке думают, что они могут себе все позволить. Но они горько ошибутся в этом! Рабочий класс не может и не должен оставить без ответа нападение на него.

Солдаты правительственных войск! Вы видите, на что вас употребляют! Хотите ли вы и впредь стрелять в ваших безоружных товарищей? Задумайтесь над тем, что если вы сегодня сделаете рабами своих товарищей, вы завтра же будете такими же рабами. Долой убийц-офицеров! Долой Эберт-Шейдеман-Носке!

Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!

Независимые не могли спокойно созерцать такие блестящие писания спартаковцев, и их газеты начали состязаться с коммунистами во лжи и подстрекательстве. 11-го февраля фракция независимых с президиумом во главе выступила в национальном собрании с воззванием против коалиционного правительства и за сохранение рабочих и солдатских советов. Политиче-

ское и экономическое положение страны было обрисовано в нем в следующих словах:

> В ноябрьской революции 1918 года рабочие и солдаты овладели государственной властью, чтобы ввести в стране социалистический порядок управления. Теперь, три месяца спустя, мы находимся от этой цели дальше, чем тогда. Пролетариатом овладевает поэтому все сильнее и сильнее негодование и возмущение.
>
> Первым требованием революции было полное уничтожение милитаризма, но правые социалисты отказались от него и отнеслись с пренебрежением к постановлениям конгрессов рабочих и солдатских советов об уничтожении власти прежних командиров и о социализации рабочих предприятий. Подобно прежнему правительству Эберт, Шейдеман, Носке и Ландсберг опираются и в «социалистической народной республике» на силу оружия. Единственным средством, которым они располагают, чтобы подавить бастующих рабочих и борющихся защитников революции, является насилие. Во имя «порядка, спокойствия и безопасности» они отказывались вступать в переговоры и добиваться мирного разрешения вопросов, вооружали офицеров, студентов и буржуазию против рабочих и провоцировали в Берлине и Бремене ужасную братоубийственную бойню, которой угрожали и другим городам.
>
> Милитаризм и капитализм опять торжествуют Кто надеялся, что основы социализации промышленных предприятий будут выработаны еще до открытия национального собрания, тот горько ошибся; укрепление капитализма— вот задача буржуазии, велениям которой и здесь послушны вожди правых социалистических течений. Они замышляют трудовое закабаление рабочего класса под знаменем капитализма. Они обвиняют рабочих, ослабленных голодом, чрезмерным трудом и лишениями, созданными войной, в лени и нежелании работать. Но они мирятся с тем, что капиталисты сокращают производство, несмотря на имеющиеся заказы и на наличность сырья.

ПО ГОРЛО В КРОВИ.

Эта безумная пропаганда не осталась, конечно, без влияния. Беспорядки, насилие и грабежи стали повторяться все чаще и чаще во всех городах.

Безграничная травля войск повела к тому, что рабочие стали приходить в неистовство уже при одном виде солдат.

В Готе часть местного батальона отказалась выступить согласно приказу. Были посланы войска, чтобы заставить ослушников подчиниться. На них напали ра-

бочие, принадлежащие к партии независимых, и атаковали их. Во время происшедшей перестрелки один рабочий был ранен. Все рабочие немедленно забастовали, требуя удаления войск. Эрфуртские рабочие, желая поддержать товарищей, также стали угрожать забастовкой. Генерал Меркер на улице подвергся нападению, был ранен в голову, и у него был отнят портфель с документами.

В средне-германском угольном районе независимые вовлекли рабочих угольных копей в забастовку. У Галле железнодорожное движение было приостановлено почти на целую неделю. В Галле был настоящий террор. Генералу Меркеру опять предложено было восстановить там порядок. На прибывшие войска напали рабочие и дело дошло до жестокого кровопролитного боя.

Если солдаты, защищаясь, переходили границы дозволенного, об этом поднимался в прессе шум, который длился целую неделю и в котором нередко голоса и наших социал-демократов сливались с голосами берлинских газет.

В средней Германии авторитет правительственной власти пришлось восстанавливать в одном городе за другим при помощи войск.

13 марта 1919 года в Маннгейме были вызваны приверженцами независимых и коммунистами серьезные беспорядки. Баденское правительство обратилось к нам за помощью. Я послал туда отряд Пфеффера, только-что вернувшийся с восточной границы. В конце марта баденский министр-президент писал мне:

> Ваше высокородие оказали присылкой войск для восстановления порядка в Маннгейме большую услугу стране. Только присутствию этих войск, о безупречном поведении которых я здесь с удовольствием свидетельствую, мы обязаны тем, что вступление в Маннгейм баденского батальона добровольцев могло произойти без всяких помех. От имени баденского соединенного министерства я имею честь просить ваше высокородие принять искреннейшую благодарность за скорую и действительную помощь, оказанную нам.

Беспорядки и насилия имели место неоднократно и в Магденбурге. 8-го апреля один из министров был здесь схвачен мятежниками и арестован, но в тот же

день освобожден. На следующий, день после этого именно 9-го апреля, Магдебург был занят правительственными войсками. Здесь в первый раз были пущены в дело матросы на судах, которые впоследствии составили ядро речной охранной стражи на Эльбе.

НОСКЕ ПРОТИВ СОВЕТОВ.

Советы солдат „на основании революционного права" захватили почти повсюду право командования в войсках, что повлекло за собою умаление и даже уничтожение власти, насколько вообще можно было еще говорить о ней. В каждой воинской части советы эти делали, что хотели, по крайней мере до тех пор, пока солдаты это терпели. С центральной властью, именно с берлинским военным министерством, они считались весьма мало, лишь постольку, поскольку зависели от него в денежном отношении, ибо собственными средствами, в виде касс и текущих счетов в банках, располагали из них весьма немногие.

Абсолютно недопустимо было вмешательство многих советов в набор вольнонаемных команд и добровольцев для защиты восточных границ и несения службы в местных командах, причем они нередко пытались силою противодействовать снаряжению и передвижению таковых.

В новых вольнонаемных войсках, в отличие от старой армии, солдатские советы существовали не везде, а только кое-где, причем они не имели никакого права вмешиваться в вопросы командования.

Пришлось столковаться с центральным советом [1] относительно ограничения прав солдатских советов. Результатом долгого обсуждения явился приказ от 19-го февраля 1919 года относительно временного установления прав командования и положения солдатских советов в войсках в мирное время. Он гласит:

„Высшая законадательная власть в армии принадлежит правительству, в лице народных уполномоченных,

[1] Исполком, избранный на с'езде Советов и состоявший сплошь из социал-предателей и соглашателей.

Прим. ред.

ИЗ ЖИЗНИ ОДНОГО СОЦИАЛИСТА.
(Президент Германской «республики»—соц.-демократ Эберт).

исполнительная—военному министру; в отдельных воинских частях представителями этой власти являются их начальники".

Существенно было следующее постановление:

„Советы солдат не в праве сами смещать или назначать начальников".

Этот приказ вызвал в советах сильнейшее возбуждение. На меня посыпался целый дождь заявлений и протестов. С другой стороны, недовольно было и офицерство, так как при желании советы все же могли оказывать значительное влияние на ход дел в войсках и создавать там всякого рода затруднения.

Вот некоторые примеры их настроения.

В собрании ганноверского гарнизона, в котором участвовало около 800 человек, была принята большинством всех, против двух голосов, следующая резолиция:

> Мы горячо протестуем против попытки опять наложить на нас цепи рабства восстановлением офицерства и отказываемся подчиниться контр-революционному порядку командования в войсках.
>
> Мы требуем приостановки службы вольнонаемных. Мы приглашаем другие гарнизоны присоединить свои голоса к нашему протесту и добиваться назначения нового с'езда советов.

Я получал такие и подобные резолюции целыми дюжинами. В некоторых из них было требование, чтобы я немедленно оставил свой пост и вышел в отставку.

Незадолго до этого я распустил большой морской совет военных моряков в Гамбурге. С'езд, однако, единогласно постановил, что центральный морской совет должен существовать и вернуться в Берлин. В случае, если правительство отклонит это, равно и другие решения с'езда, шесть членов означенного совета будут представлять собою в Гамбурге орган, связующий между собою отдельные округа, а прочие члены его поступят в распоряжение своих округов.

Я оставил жалованье только шести членам морского совета, что стало известно на с'езде, и за что меня отчаянно ругали, и потому вышеприведенное постановление совета не имело никаких последствий. Даже

Кирхгоффер „ничего не запечатлел своею кровью“, как грозил до этого на с'езде солдат, и, протестуя, удалился вместе с другими.

МАРТОВСКАЯ НЕДЕЛЯ В БЕРЛИНЕ.

Независимые и коммунисты старались вызвать в Берлине новую катастрофу. Рабочие опять призывались к новой всеобщей забастовке с целью низвергнуть правительство. Газеты и обе партии взвинчивали и подстрекали рабочих самым безумным образом. В субботу, 2-го марта, я вернулся из Веймара в Берлин, так как считал положение дел очень серьезным. Прусское правительство также было очень озабочено текущими обстоятельствами. В воскресенье утром в министерстве было заседание, на которое был приглашен и я. Предполагалось, в случае если будут беспорядки, об'явить осадное положение и меня назначить главнокомандующим.

В понедельник, 3-го марта, „Роте Фане“, орган спартаковцев, появилось с воззванием, подписанным всеми коммунистическими организациями. В этом воззвании было между прочим сказано:

Рабочие, пролетарии!

Снова час настал! Мертвые опять встают из своих гробов! Г.г. Эберт-Шейдеманы захотели совсем иначе доканать вас, чем сделал это безумный Гогенцоллерн во время выборов в 1907 году. Он думал задушить вас голосами выборных, а они решили заковать вас в цепи, разыграв комедию с выборами в Национальное Собрание. Они полагали загипнотизировать вас бесконечной болтовней Национального Собрания; они думали, что немецкий пролетарий позволит отнять у него плоды революции, пустив в ход парламентские прения и политическое торгашество партий.

А кто не позволяет обмануть себя, тот должен быть раздавлен ударом железного кулака. «Рабочий» Носке нагромоздил целые горы трупов немецких рабочих. Он по неделям торчит, как варвар, со своими бандами в тех местностях, где живут рабочие. Те преступления, которые совершили Гинденбург и Людендорф в Бельгии и Северной Франции, в Польше и Финляндии, убивая тысячи пролетариев этих стран, преступления, за которые их проклинает весь мир и позор за которые ложится на их современников и потомков,—эти преступления Носке повторяет над не-

мецкими рабочими. «Социалистическое» правительства Эберт-Шейдеман-Носке стало палачем германского пролетариата.

Они только выжидают подходящего случая, чтобы броситься «наводить порядок». Где только шевелится рабочий, туда немедленно посылают они свои вооруженные банды. Берлин, Бремен, Вильгельмсгафен, Куксгафен, Вестфалия, Гота, Эрфурт, Галле, Дюссельдорф—вот кровавые этапы крестового похода, совершенного Носке, против германского пролетариата.

Тысячи ваших братьев избиты, заключены в тюрьмы, опозорены, коварно зарезаны, застрелены как бешеные собаки.

Подумайте! Господа Эберт-Шейдеман-Носке самые злые смертельные враги революции. Из-за министерских кресел они продали вас буржуазии. Они изменили вам и предали вас с первого же дня, убивая вас каждый день.

Рабочие-товарищи!

Будьте сознательны! Революция может итти вперед, только лишь переступив через трупы этих «социалистов»! Долой Эберта, Шейдемана, Носке! Долой изменников и предателей!

Формально еще не был отдан приказ о начале забастовки, рабочие были еще на фабриках и заводах, как на улицах уже начались бесчинства и грабежи. Руководители забастовки должны были бы предвидеть это на основании опыта последних месяцев. Особенно много грабежей было в понедельник после обеда на улицах, прилегающих к Александровской площади. Здесь было разграблено довольно много лавок, и причинено убытков на сотни миллионов марок. Раздались первые выстрелы. Было об'явлено осадное положение и расклеено на улицах следующее об'явление:

Чтобы оградить рабочих Берлина от террористических актов со стороны известной небольшой части их и охранить население от голода, прусское министерство на основании §§ 2 и следующих законоположений об осадном положении постановляет:

Приказ:

В г. Берлине и его пригородах и окрестностях, в г. Шпандау, в г. Телтове и Нидерберлине с округами с сегодняшнего дня вводится осадное положение. Высшая власть вручается главнокомандующему, министру обороны Носке. Статьи 5, 6 (о личной свободе и неприкосновенности жилищ), 7 (об обыкновенных судах), 27, 28 (о свободе печати),

29. 30 (о праве сходок и собраний) и 36 (об ограничении полномочий военных властей) Прусского Устава о Конституции, а равно и действующие на основании их законоположения, сим отменяются.

Берлин, 3-го марта 1919 года.

Прусское Министерство.

Гирш, Браун, Эрист, Фишбен, Гофф, Гениш, Д-р. Зюдекум, Гейне, Рейнгардъ».

Вместе с тем я сейчас же опубликовал следующие правила:

«Согласно приказа прусского министерства от 3-го марта 1919 года о введении осадного положения в городе Берлине с округом, в городе Шпандау, в Тельтове и Нидерберлине с округами, высшая власть переходит ко мне. На основании сего я приказываю:

§ 1. Гражданские и общественные учреждения продолжают функционировать, следуя, где это окажется необходимым, моим особым указаниям и предписаниям.

§ 2. 1) Воспрещаются всякие собрания на открытом воздухе; для общественных собраний в закрытых помещениях требуется каждый раз мое особое разрешение.

2) Запрещаются всякие выступления в общественных местах, равно и всякие сборища на улицах и площадях.

3) В интересах личной безопасности населению предлагается сократить по возможности движение по улицам и открытым местам.

§ 3. Для выпуска новых газет требуется мое разрешение.

§ 4. В случаях неподчинения и сопротивления означенным правилам будет применено оружие; помимо сего виновные будут привлекаться к ответственности согласно § 9 закона об осадном положении.

§ 5. В местах введения осадного положения открываются чрезвычайные военные суды по одному в округах I, II и III, которые начинают функционировать на третий день после опубликования настоящих правил.

Берлин, 3-го марта 1919 года.

Главнокомандующий
Носке,
министр обороны».

В ночь с понедельника на вторник около Лихтенбергского полицейского управления дело дошло до настоящей перестрелки. Во вторник утром мне донесли, что накануне ночью были нападения в 32 участках на полицейские посты, которые пришлось снять. Во вторник утром стачечный комитет вместо не-

вышедших газет выпустил бюллетень, в котором сообщалось о происшествиях, имевших место накануне в понедельник.

Требования бастующих, по сообщению этих „Известий", сводились к следующему:

1. Признание рабочих и солдатских советов.
2. Немедленное введение в жизнь гамбургского соглашения о порядке командования в войсках.
3. Освобождение всех арестованных по политическим делам, прекращение всех политических процессов; закрытие всех военных судов и передача имеющихся у них дел общегражданским судам; отмена всех особых полномочий военных властей; немедленный арест всех лиц, причастных к политическим убийствам.
4. Немедленное создание революционной охраны из рабочих.
5. Немедленный роспуск всех вольнонаемных команд.
6. Немедленное восстановление политических и экономических сношений с Советской Россией.

Экономические требования сводились к признанию и укреплению власти рабочих и солдатских советов.

Относительно этих требований велись переговоры с правительством в Веймаре. Шейдеман заявил в одном заседании Национального Собрания, что правительство ни в коем случае не уступит давлению берлинской улицы; оно готово начать обсуждение только таких мер, которые предусмотрены его программой.

В конце января большая часть войск была выведена из Берлина. В воскресенье, 2-го марта, был дан приказ войскам быть наготове. В понедельник правительственная коллегия из четырех лиц была вполне ограждена от всевозможных случайностей. Приказ о выступлении был дан только тогда, когда начались большие беспорядки. Вступление войск в Берлин произошло во вторник утром.

Во вторник, 4-го марта, около полицейского управления на Александровской площади началась сильная перестрелка. К 12 часам дня там собралась огромная толпа, занявшая скоро всю площадь, и начала бесчинствовать. На двух офицеров, проезжавших в экипажах, толпа напала; офицеры были сброшены на мостовую

и сильно избиты, при чем мундиры на них были изорваны буквально в клочья. Войска, бывшие на-готове в полицейском управлении, в начале первого часа выступили на улицу для того, чтобы очистить площадь, и пустили в ход оружие, так как толпа отказалась разойтись. Они врезались в нее на броневых грузовиках и, так как поведение ее начало принимать угрожающий характер, открыли огонь из пулеметов. При этом было убито шесть человек: четверо мужчин и две женщины, и ранено несколько человек. Убитые, когда толпа рассеялась, были перенесены на носилках в полицейское управление, куда скрылись и избитые офицеры...

В среду положение дел изменилось значительно к худшему. Некоторая часть республиканской охраны из солдат и народной морской дивизии перешла на сторону мятежников.

Для освобождения полицейского управления, форменным образом осажденного огромной толпой народа, из разных мест были двинуты войска. Это могло повести к тяжелым столкновениям. Подробности плана предполагавшихся на площади действий войск были мне предварительно представлены, и я одобрил их. Вскоре ко мне явились представители стачечного комитета и еще несколько других лиц, игравших в течение последнего времени революции более или менее видную роль. Они потребовали от меня приостановки движения войск и в суровых выражениях стали предупреждать меня, что правительство, благодаря этим событиям в Берлине, должно будет слететь. Если я не уступлю сейчас, прольются целые потоки крови. Правительство ни в коем случае не удержится при этом на своих местах.

На все эти заявления я возразил, что войска уже в движении, и что остановить их невозможно.

В среду через Александровскую площадь двигалась морская народная дивизия. Вдруг раздались выстрелы. Морякам показалось, что в них стреляли из окон полицейского управления, где находились войска. Немедленно они обратили свое оружие против войск и смешались с народом, находившимся на площади. Часть их бросилась штурмовать полицейское управление

другая часть осталась при орудиях, начавших обстрел здания, где помещалась полиция. Ко мне прибежал начальник моряков Мюллер, очень толковый и дельный человек, и несколько очень взволнованных людей из дивизии с вопросом, что делать. При этом один из них сказал мне, что если я не распоряжусь немедленно убрать войска, то дальше может произойти кровопролитнейшая бойня.

Чтобы предупредить возможность каких-либо трений между войсками и морской дивизией, я с самого начала хотел тщательно разграничить их сферы деятельности. В 4 часа ночи мне донесли, что все матросы перешли на сторону противников. В четверг утром из здания морского министерства, где находилась морская дивизия, стали раздавать народу оружие, хотя дивизия мне торжественно обещала взять его при уходе из кавалерийских казарм не больше, чем нужно было для вооружения матросов. В четверг же пришлось занять дом морского министерства и положить конец действиям этой невозможной морской дивизии. Для поддержки ее двинулась, между прочим, часть ново-кельнского запасного батальона.

В тот же день пришлось обезоружить этот и другие ненадежные батальоны. В пятницу было приказано сократить число войск на 6500 человек.

После занятия войсками Александровской площади, вооруженные выступления были перенесены в другие части города. Число убитых и раненых стало быстро возрастать. Некоторые солдаты были толпой зверски убиты. Снова из уст в уста стали передаваться всякие ужасы, как в первые дни войны. В Лихтенберге было убито несколько человек полицейских, и молва моментально разнесла весть, что убиты десятки людей. Со вторника стрельба не прекращалась; раздавалась стрельба из пулеметов и взрывы от бросаемых ручных бомб. Население было всем этим терроризовано до крайней степени. Солдаты при виде обезображенных трупов своих убитых товарищей приходили в бешенство и неистовство. Случайно фотография зафиксировала несколько таких гнусных по жестокости и отвратительности картин, которые потом были демонстрированы на суде.

Чудовищные случаи и перенесение боев в предместья города побудили меня, наконец, издать следующий приказ:

Всякий, задержанный с оружием в руках и оказавший сопротивление правительственным войскам, подлежит расстрелу на месте.

Как ни был ужасен этот приказ, но он немедленно подействовал, как только стал известен. Вожаки восстания сочли свое дело проигранным. В среду, 13-го марта, последним более или менее крупным делом войск явилось занятие Лихтенберга, совершившееся, впрочем, без боя, хотя я и отклонил все предложения мятежников. Предложения эти заключались в следующем: освобождение от всякого наказания всех, кто участвовал в перестрелке в Лихтенберге, образование народной охраны, куда должны войти и спартаковцы; снабжение этой охраны оружием, которое будет взято у населения. К этому обер-бургомистр добавил еще, что у него фактически нет средств гарантировать мне точное исполнение условий, которые будут между нами заключены.

В мартовских боях в общем итоге погибло около 1.200 человек.

Несколько месяцев спустя, когда прошел уже всякий страх, в прессе долго толковали о том, находился ли мой указ в полном соответствии с действующими нашими законами. В декабре месяце одна газета, принадлежащая к моей партии, пошла даже так далеко, что потребовала отдачи меня под партийный суд за этот приказ. Последний издан мной при наступлении крайней необходимости для предотвращения возможного дальнейшего кровопролития, и я, конечно, несу всю ответственность за него. Положение государства было таково, что необходимо было водворить в Берлине, как можно скорее, порядок и спокойствие. В таком положении только тот пускается на юридические мудрствования, кто не имеет мужества отвечать за свои поступки. Я и теперь еще отвечаю за свои слова, произнесенные мною 13 марта в Национальном Собрании:

„Я сделал то, что считал своим долгом по отношению к государству и народу, и не страшусь суда его".

НОСКЕ ВЕРБУЕТ ДОБРОВОЛЬЦЕВ.

Ввиду развала армии решено было, для охраны границ и правительства, создать отряды вольнонаемных войск.

Военные части, назначенные сперва для защиты внешних границ, потом были пущены в ход и при подавлении внутренних беспорядков. В виду этого все советы один за другим стали „запрещать" вербовку войск.

Мюнстерский корпусный совет об'явил:

> В пределах расположения 7-го армейского корпуса не может быть создан ни один батальон вольнонаемных войск. Всякая вербовка запрещается.

Куксгафенский совет телеграфировал мне:

> Куксгафенский совет с возмущением узнал о воззвании к населению по поводу создания наемных отрядов для защиты границ. В сфере своего влияния совет сделает все зависящее, чтобы противодействовать подобным контр-революционным и враждебным народу начинаниям.

Такие же или подобные решения были приняты в Галле, Лейпциге, Коттбусе и в десятке других городов, пока я, наконец, не воспретил этого особым декретом.

Когда правительство опубликовало свое обращение к советам, с просьбой не препятствовать транспорту вновь формируемых войск, отправляемых на границы, берлинский орган независимых, в ответ на это, напечатал статью под заглавием: „Препятствуйте отправке войск", в которой между прочим, писал:

> На обязанности армейских и морских советов всего государства лежит следить за тем, чтобы не происходил транспорт войск. От исполнения этого долга не удержат их даже угрозы правительства кровавых социалистов.

Отдельными независимыми и коммунистами делались попытки разложить вновь набираемые отряды изнутри. В январе в одном заседании независимых в Берлине один из вождей их Вегманн, совершенно открыто и бесцеремонно говорил о том, что среди революционных рабочих нужно как можно шире пропагандировать вступление в вольно-

наемные войска для того, чтобы занять в них ответственные места и потом восстанавливать их против правительства, с целью препятствовать посылке их против своих братьев — пролетариев, как было в Бремене и против русских большевиков. Они должны действовать так, чтобы люди в решительную минуту повернули свое оружие против правительства.

Нуждаясь в людях для формируемых частей, мы обратились к студентам и к ученикам старших классов средних учебных заведений. 13-го марта 1919-го года прусский министр народного просвещения опубликовал свое „Обращение к академической молодежи" следующего содержания:

> Добровольцы, вперед! Но сегодня вас не манят победные лавры, не зовет под'ем народа, соединенного воедино военной грозой. Сегодня не увлекает вас воодушевление, не заставляет обязательная воинская повинность. Зрелая молодежь добровольно берется за оружие, ибо она сознает всю серьезность положения и понимает, чего требует от нее долг самосохранения. Немецкие армии разваливаются на части, поток большевизма грозит прорвать на востоке наш защитный пограничный вал, гидра анархии и гражданской войны поднимает голову внутри страны. Спаси свое отечество, немецкая молодежь! Мы зовем ее итти впереди других и по этому тяжелому пути. Плечо к плечу с своими товарищами и сверстниками из рабочего класса вы, молодая академическая молодежь, должны помочь правительству поддержать порядок. Вступайте в добровольческие отряды! Защищайте культурное наследие своих предков, спасайте свое будущее!
>
> Помоги, немецкая молодежь!

Часть академической молодежи опять одела солдатские мундиры. Еще больше было таких, которые записались в местных воинских частях временными добровольцами, готовыми являться, в случае нужды, по первому требованию. Год спустя, такие временные добровольцы из студентов были об'явлены особенно опасными и реакционными.

Рабочие фабрик и заводов постановляли бойкотировать тех из товарищей, которых подозревали в принадлежности к этим отрядам, и удалять их из своей среды. В некоторых городах был указан предельный срок, к какому все должны оставить службу в вольнонаемных

командах, с угрозой не принимать ни на какую службу тех, кто не исполнит этого приказания.

Один эссенский центральный цеховой совет об'явил, что рабочих, служивших в вольнонаемных отрядах, нужно, „избегать, как чуму".

Я издал декрет, которым об'явление бойкота бывшим служащим вольнонаемных отрядов преследовалось строгим наказанием. Берлинские портные, тем не менее, приняли после этого решение „не работать вместе с бывшими добровольцами „Носковской гвардии", но я об'явил недействительным этот бойкот. Конечно, мое об'явление осталось на деле неисполненным, но жалобы по крайней мере, стали очень редки.

НОСКЕ РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ЗАБАСТОВЩИКАМИ.

Начиная с конца июня и до начала июля, произошло несколько железнодорожных забастовок. Забастовщики требовали повышения поденной платы и увеличения единовременных уплат. Прекращение движения угрожало уже через несколько дней жизни и здровью населения Берлина. Один из ораторов-забастовщиков хвастал, что, хотя в первую голову пострадают женщины и дети, тем не менее, забастовка должна произойти. Другой оратор говорил, что не следует пропустить в Берлин даже ни одного молочного поезда, хотя бы отсутствие молока и стоило жизни нескольким младенцам; во время войны все равно гибнет много народа.

Когда железнодорожникам-забастовщикам не удалось добиться скорого успеха, они сделали попытку поднять всеобщую забастовку. Как я потом узнал, этого требовал какой-то листок, находившийся в бюро железнодорожников. Я велел убрать все подобные листки и арестовать лиц, занимавшихся писанием и распространением их. Тогда посыпались угрозы самых ужасных забастовок. Некоторые из случайно присутствовавших в бюро и арестованных лиц были по моему приказанию немедленно освобождены, а главного виновника я, как заявил с самого начала, выпустил на свободу только тогда, когда забастовка прекратилась.

Часть берлинских железнодорожников совершенно определенно хотела превратить забастовку в катастрофу

для правительства. Не трудно было предвидеть, что рано или поздно дело, действительно, могло бы этим окончиться. Мне казалось, что настал момент, когда забастовщики могут решиться на это, и не без некоторой надежды на успех. Поэтому, для обеспечения железнодорожного движения, я приказом 27 июня 1919 г. строго воспретил железнодорожные забастовки.

Часть железнодорожников образумилась и готовилась приступить к работам. Приказ мой вызвал много протестов, угроз и разговоров. В результате всего этого мной были сделаны некоторые уступки: я принужден был об'явить, что, с началом работ в Берлине, приказ мой теряет свою силу. Печать независимых в первое время очень возликовала, усмотрев в этом об'явлении простую отмену изданного приказа, и сочла меня уже свалившимся. Потом, увидя свою ошибку, она стала бранить правительство за то, что оно не имеет мужества отменить приказ Носке о забастовках и грубо нарушает данное железнодорожникам обещание. Все возрастающая смелость забастовщиков стала принимать угрожающие размеры. Я решился в виду этого на крутую меру: велел опечатать помещения забастовочного комитета, который присвоил себе функцию высшей распорядительной инстанции и оказывал весьма нежелательное влияние на направление дел постольку, поскольку в нем преобладали члены партии независимых и спартаковцев. При этом я приказал арестовать многих членов его. Комитет на этот раз удовольствовался только особыми проклятиями, направленными против моей деятельности и меня лично.

Железнодорожная забастовка была сорвана. Большинство рабочих стояло за возобновление работ, только меньшинство хотело продолжать забастовку. Я оповестил, что кто не станет на работу к известному дню, тот будет уволен. Это подействовало: самые большие крикуны первыми пришли записываться на работу. Несколько сот человек, не пожелавших подчиниться, осталось на улице, как жертвы бессовестных подстрекательств.

Один из вожаков забастовочного движения как-то выразился в одной своей речи, что железнодорожники,

бастуя, держали своей рукой правительство, за горло Это было сказано очень дерзко и хвастливо. По-моему всякое правительство, которое спокойно может терпеть подобного рода заявления, заслуживает, чтобы его не только презирали, но и прогнали. Железнодорожники очень озлобились против меня, потому что был пущен слух, будто я где-то сказал, что я не испугаюсь и, если нужно, сокрушу хоть тысячу их. На самом же деле я сказал нечто совершенно другое, именно: я цитировал выражение рабочего о руке, державшей правительство за горло, и добавил, что такую руку, которая смеет угрожать жизни целого народа, я, не задумываясь, сокрушил бы вдребезги.

НОСКЕ ВЫБРАСЫВАЕТ НА УЛИЦУ 45.000 ЧЕЛ.

В апреле бастовали служащие крупных промышленных предприятий Берлина. Из сочувствия к ним прекратили свою скромную работу и служащие шпандауских заводов. Само собою разумеется, что это отозвалось очень существенно на работе рабочих. Тогда я решился, недолго думая, обратиться к действительным мерам и распорядился закрыть все шпандауские заводы. Значительная часть рабочих считала закрытие единственным способом произвести известное оздоровление фабрик, о чем нередко доводила до моего сведения. Когда я сообщил в кабинете о сделанном мной распоряжении, коллеги мои были несколько напуганы им. Председатель коллегии недовольно заметил, что я уже слишком много беру на себя. За два дня до Пасхи такая мера едва ли пройдет даром, разве нельзя было обождать с закрытием до после праздников. Но отменить сделанного, конечно, нельзя было, и я опубликовал следующее оповещение:

> В виду того, что дальнейшее содержание шпандауских военных заводов и фабрик вследствие забастовки служащих становится невозможным, а приближающиеся праздники все равно вызывают более или менее продолжительную приостановку работ, шпандауские фабрики закрываются впредь до распоряжения. О возобновлении работ будет об'явлено особо. Уплаты каких-либо денег за забастовочное время производиться не будет.

Расчет получили около 45.000 чел. Рабочие советы думали и дальше хозяйничать. Они оповестили рабочих в противовес этому, чтобы те явились в субботу на работу по возможности в большем количестве, и во вторник после Пасхи собраться на заводах. Но в субботу с утра заводские ворота были заперты, и около них поставлен военный караул. Перевод мастерских на мирный лад мог начаться планомерно. Все здравомыслящие люди признали целесообразность этого закрытия фабрики, мне же оно, кроме ненависти рабочих, ничего не принесло.

ВСЕ НЕНАВИДЯТ НОСКЕ.

Не считая полиции, сторожевая охрана в Гамбурге состояла из 12.000 человек. Было совершенно невозможно оставить на военном положении такую массу народа, тем более, что здесь эта служба оплачивалась дороже, чем в других местах государства. Необходимо было, стало быть, приступить к постепенной ликвидации сторожевой охраны. Было решено уменьшить ее до 5000 человек с тем, чтобы она была поставлена в одинаковые материальные условия с прочими воинскими частями государства. Но так как никто не обнаруживал желания вести по этому поводу переговоры с ее представителями, то меня попросили лично явиться в Гамбург. 27-го мая я сюда приехал и должен сказать, что дела наши пошли не особенно блестяще.

Независимые и коммунисты перевели еще с января месяца борьбу со мной на личную почву, причем борьба эта приняла самый недопустимый и отвратительный характер. Не было таких ругательств, которыми меня не осыпали бы, не было таких гадостей, которых не распространяли бы на мой счет. Меня обрабатывали всячески и в прозе и в стихах. Одна из местных газет напечатала открытое письмо мне, в котором, между прочим, писала:

> Знайте, что скоро настанет день, когда нельзя будет больше сдерживать ненависть, питаемую вашими соотечественниками к вам и к вашей системе; ваше имя пройдет через всю историю революции, как имя кровопийцы и палача коммуны. Вы знаете, что только приверженцы старой

деспотии, воры, профессиональные убийцы и самые темные проходимцы и негодяи ищут вашей защиты, защиты штыков, ручных гранат и пулеметов, что все честные, трудолюбивые рабочие проклинают вас так, как никогда не проклинали ни одного врага. Вы знаете, что близок уже ваш конец, который не будет блестящим...

Целый ряд листков и газет независимых выражали свои поэтические чувства в лирических стихотворениях, одно из которых для примера я привожу здесь:

СОН НОСКЕ.

Спит Носке, сон тяжелый видит
И, ужасом об'ятый, стонет.
Все те, кого убить велел он,
Стоят пред ним, как бы живые.
Один из них кричит ему:
«Ты голову пробил мне пулей»!
Другой хватается за грудь:
«Здесь ты нанес мне рану в сердце».
И множится число видений,
И стонет Носке все сильней...
И снова все кричат ему,
В лицо плюют и проклинают:
«Сражались храбро мы с врагом,
Но не они—ты нас убил!
И нет тебе за то прощенья,
Пока не будешь ты повешен»!

Какое настроение создавалось у рабочих благодаря такой травле, тому доказательством может служить брань, которою осыпали меня на улицах. 21-го мая я проезжал в Берлине в открытом экипаже чрез Бранденбургские ворота и встретил в конце Вильгельмовской улицы огромную толпу демонстрировавших независимых. Я принужден был остановиться. Кто-то из толпы узнал меня и назвал по имени. Едва толпа услыхала мое имя, как раздались дикие крики и посыпались ругательства. Два человека приблизились ко мне с явным намерением напасть на меня, но в эту минуту кучер тронул, и экипаж быстро покатил вперед. Тысячи ругательств полетели мне вслед.

Особенно были взвинчены к моему приезду в Гамбург содержавшиеся в лазаретах раненые. Конечно, пребывание в больнице в течение месяцев и даже годов делает человека в высшей степени нервным и недовольным. Это вполне понятно.

В сенатском зале гамбургской ратуши начались наши совещания с уполномоченными местной охраны, которым я изложил необходимость ее сокращения. Возникшие прения были не очень-то поучительны, и потому на них останавливаться не буду.

Наше совещание прервано было шумом на улице перед зданием ратуши. Оказалось, что пред ней появилась огромная толпа раненных из лазаретов. Часть их насильно ворвалась в здание ратуши, причем стража у наружных дверей не смогла удержать их. Ворвавшаяся толпа шумно потребовала вызвать меня для переговоров. Когда я вышел из зала, раненные вели себя так, что говорить с ними было невозможно. Два парня набросились на меня с дикими ругательствами и хотели схватить меня. Я отступил назад в зал, предварительно успев об'яснить, что с депутацией я начну говорить не раньше, чем толпа уйдет из ратуши. В этом же смысле стали уговаривать их Лампль и некоторые из уполномоченных. Большинство больных оставили ратушу и вышли на улицу.

Вслед затем в небольшой комнатке я принял их депутацию, с которой имел не особенно приятную беседу. С улицы то-и-дело проникали к нам громкие крики толпы. Депутация не вступала ни в какие переговоры со мной, а только представила мне требования и потребовала обещания от имени правительства исполнить их. В то время, как я обсуждал некоторые из этих требований, дверь поминутно раскрывалась, и перед ней опять появлялась толпа, громко выражавшая свое нетерпение. Так как я при всем желании не мог представлять собою всего кабинета, то хотел только об'яснить им, насколько я лично разделяю то или другое из этих требований. Но тут снова появился у раскрытой двери кто-то из толпы и сказал мне, что невозможно дольше сдерживать толпу, и потому я должен сию же минуту выйти на балкон и заявить о своем согласии.

Я вышел на балкон. Площадь перед ратушей кишела людьми. Ужасен был вид многих раненых с ампутированными ногами, сидевших на ступеньках памятника. Тут же вместе с ними находились рабочие, а также не мало праздношатающихся. В первую минуту я ничего

не мог разобрать. Вскоре я понял, что это мне кричат снизу вверх весь лексикон ругательных слов, употребляемых независимыми и коммунистами. Несколько человек бегали, как шальные, по площади, делая в воздухе движения, которые должны были бы означать, что они кого-то вешают. Я обещал толпе только то, что искренно считал возможным выполнить; она понемногу успокоилась и по окончании моей речи разошлась. Вечером раненые опять должны были собраться на площади перед гостиницей, в которой я жил, но я, не дожидаясь их, уехал в Киль.

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ—ПРОТИВ СОВЕТОВ.

С баварским министром-президентом Гофманом я дважды совещался в Берлине в тот день, когда в Мюнхене об'явлена была власть советов. На случай, если бы обстоятельства в Мюнхене потребовали, как опасался Гофман, я мог представить в их распоряжение скорую военную помощь. Вечером я был приглашен на заседание в баварское посольство. Из Мюнхена пришла почта с печальными известиями. Я настоятельно советовал перевести правительство в северную Баварию, так как, пока удастся стянуть войска в надлежащем количестве, Мюнхену, очень может быть, придется пережить не мало тревожных часов.

В Веймар в феврале месяце ко мне явился полковник фон-Эпп с предложением создать добровольческий отряд для Баварии, но подобное предложение при наличности советов, конечно, не могло обещать успеха. Мы поэтому порешили с ним, что он отправится в Ордруфф, где лагерем расположены войска, и там постарается набрать, сколько удастся людей. Так как он от баварского правительства никаких денег для этого не получил, то мне пришлось ассигновать ему из государственных средств некоторую сумму. Небольшое количество солдат у него уже было наготове. Вюрцбургские и эрлангенские студенты также были, повидимому, готовы откликнуться на призыв Эппа, так как прислали мне в Веймар депутацию с целью узнать, нельзя ли будет устранить перерыв в занятиях устройством для них особого промежуточного семестра.

Солдатские советы выслеживали вербовщиков Эппа и арестовывали их.

При таких обстоятельствах, естественно, очень мало народа могло поступить в отряд Эппа. Всего у него набралось несколько сот человек, которыми можно было располагать, когда необходимость этого настоятельно потребовала.

Баварское правительство должно было раньше серьезно убедиться, что речь идет о жизни или смерти всей страны, прежде чем согласилось прибегнуть к решительным мерам. Пришлось не мало потратить слов, пока, наконец, оно решилось на своего рода экзекуцию: все боялись, что баварский партикуляризм станет на дыбы, как только прусские войска вступят на баварскую территорию. Кроме того, приходилось считаться и с возражениями против Эпповского отряда, который прослыл у мюнхенских рабочих белой гвардией. Во всяком случае с парой сотен людей из нижнебаварских гарнизонов нельзя было ничего предпринять против Мюнхена, так как местные вожаки готовились к серьезному сопротивлению.

На помощь к нам явились прежде всего вюртембергцы под командой генерала Гааза. Прусские войска были собраны в Тюрингии. Размещение их в Иене вызвало со стороны тамошних независимых обычные в таких случаях горячие протесты. К сожалению, социалисты большинства дали увлечь себя и присоединились к этому протесту против правительства, в котором их партийные единомышленники занимали наиболее важные и ответственные посты. В протесте требовалось „немедленное удаление войск из Иены и ее окрестностей, под опасением опасного нарушения спокойствия и порядка". В случае неисполнения их требования, во вторник, 29-го апреля должна была начаться всеобщая забастовка. А так как протестанты ставили уже требования, то решили кстати потребовать и смещения правительства, конечно, всей страны, а не мюнхенского, советского—явно доказавшего свою неспособность водворить в стране мир и порядок. Впредь до окончательного укрепления советского правительства должно было быть создано чисто социалистическое правительство, причем все наиболее компрометированные лица

должны были быть немедленно устранены от власти. Таким наиболее компрометированным лицом являлся уже тогда для некоторых моих партийных единомышленников я, хотя на этот раз мое имя как-раз названо не было.

На посланную мне телеграмму с протестом я коротко ответил, что занятие Иены войсками безусловно состоится, что войска будут выведены в свое время и что Мюнхен будет обложен кругом на значительном расстоянии.

После кровопролитных боев в окрестностях Мюнхена войска наши вступили в него 1-го мая. В виду сильного сопротивления, оказанного им, потеря в людях была не мала.

НОСКЕ ИСКЛЮЧЕН ИЗ ПРОФСОЮЗА.

Мира, хлеба и свободы—вот чего народные массы ожидали, как ближайшего дара революции. Но вместо этого явился страшнейший нажим победителей на Германию, и даже формально заключенный мир не принес с собою, в сущности, желанного успокоения. Демократическая свобода, едва добытая, была подавлена частью пролетариата, до этого страдавшего под политическим гнетом. Питание народа в общем не улучшилось. Появились, правда, кое-какие долго отсутствовавшие продукты, но в общем жизнь не стала легче и дешевле, напротив—цены страшно подскочили в гору. Экономическое положение широких народных масс стало с каждым месяцем все более и более изменяться к худшему.

Оклады жалований и поденные платы, конечно, возросли, но все прибавки сводились на-нет, благодаря постоянному росту цен на пищу, платье, уголь и т. д. Рабочие получали все большие суммы денег, но бумажных, покупная сила которых падала с каждой неделей. На этот беспрерывный рост цен оказали, конечно, свое влияние спекуляция и барышничество.

Очень тяжелое разочарование, наступившее вследствие отсутствия возможности улучшить свою жизнь, явилось печальной причиной целого ряда беспорядков и погромов, которых не избежал ни один более или

менее крупный город. Нужда от этого, конечно, не уменьшилась, но в результате зато получилось уничтожение всяких ценностей и человеческих жизней.

Против насилия там, где не действовали слова и убеждения, приходилось пускать в ход—как это ни было больно правительству—насилие же в виде оружия и осадного положения.

Осадное положение, при применении которого даже при лучшем желании дело никогда не обходилось без крупных неприятностей, было причиной особенной вражды ко мне рабочих, когда пришлось прибегнуть к нему в Берлине при попытке превратить сорвавшуюся забастовку металлистов во всеобщую забастовку.

19 ноября 1918 года было издано правительственное распоряжение, строго воспрещавшее забастовки в важных для нормального хода жизни производствах.

В тяжелые январские дни были сделаны попытки из политических мотивов прекратить работу водопроводов, газовых заводов и электрических станций. В ответ на это я организовал в огромных размерах техническую помощь, которая должна была помочь населению, когда непосредственная опасность угрожала бы его интересам.

Берлинская комиссия по обследованию производств, постепенно совершенно подпавшая влиянию независимых, назвала созданную мной помощь правительственной штрейкбрехерской организацией и требовала, чтобы все союзы „исключили из числа своих членов тех, кто принимает участие в этой технической помощи". На основании закона об осадном положении, я тогда воспретил всякие репрессии против участников технической помощи и подстрекательство к их бойкоту. Угроза тюремным заключением на срок до одного года возымела свое действие, и техническая помощь не только уцелела, но ее можно было даже развить и дальше.

Когда в октябре 1919 г. в Берлине возникла забастовка важных для жизни производств, население, благодаря этой технической помощи, вышло из очень тяжелого положения. Я немедленно, под страхом тюремного заключения, воспретил всякую попытку призыва к

забастовке, словом или делом, в важных для жизни производствах. Забастовка эта была сорвана, так как начались аресты тех, кто не подчинился моему приказу, а берлинский исполнительный комитет, побуждавший к продолжению забастовки, я распустил и запретил ему всякую дальнейшую деятельность.

Мои старания охранить население от вредных последствий при политических забастовках в важных для жизни производствах закончились для меня тем, что германский союз деревообделочников, к которому я принадлежал 25 лет и которому посвятил не мало труда и энергии, исключил меня из числа своих членов. Обосновавшись в Берлине, я послал местному цеховому комитету свою членскую книжку с запросом, куда направить причитающийся с меня членский взнос. Спустя несколько недель я получил ответ, что членский взнос не может быть с меня получен, так как поступило заявление об исключении меня из союза. При этом была приложена копия этого заявления следующего содержания:

> Элементарным основным условием экономической борьбы является для организованного рабочего класса право забастовки. В марте член союза Носке воспретил железнодорожникам использовать это право. Под покровительством и при участии Носке создаются «штрейкбрехерские» организации. В общем необходимо заметить, что поведение члена какого-нибудь производства должно всегда согласоваться с целями и тенденциями его цеха, даже и вне его, чего в данном случае нет. Его (Носке) деяния и поступки враждебны рабочему сословию и во всех отношениях противоречат интересам организованного рабочего класса.
>
> Главное управление немецкого союза деревообделочников пришло в своем заседании 8-го марта 1920 года к заключению, что на основании всех имеющихся о Носке данных нужно считать, что его членство им утрачено.

В течение 22 лет я, по выходе из своего первоначального звания, оставался верен союзу, жертвуя ему свой труд, время и деньги и не требуя за это никакого возмездия. Благодарность, которую я получил, свидетельствует о печальном вырождении и политическом одичании немецкого рабочего движения, которое— нужно надеяться—не будет длиться долго.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
Социал-демократы против революции	7
Революция началась	—
Назад повернуть дело нельзя	9
Бедный, голодный Носке	12
Правительство Вильгельма доверяет Носке	13
Предатель укрывает принца	14
Носке тормозит революцию	15
С благословения принца—Носке губернатор	17
Как принцессе не помочь	18
На «господина губернатора» покушаются	19
Носке приглашают на усмирение	20
Носке советует действовать решительно	22
Шире простор палачу	23
Как обстояло дело	24
По русскому образцу	25
Носке заигрывает с солдатами	26
С правительством не считаются	27
Спартаковцы выступили	28
Палач взялся за кровавое дело	29
«Спаситель Берлина»	31
Поход на Берлин	35
Убийство Либкнехта	36
Палача приглашают на гастроли	37
Куда деваться с Учредилкой	41
Спартаковцы раз'ясняют правду	43
По горло в крови	46
Носке против советов	48
Мартовская неделя в Берлине	51
Носке вербует добровольцев	58
Носке расправляется с забастовщиками	60
Носке выбрасывает на улицу 45.000 человек	62
Все ненавидят Носке	63
Белая гвардия против советов	66
Носке исключен из профсоюза	68

3-50.

Рабочее Издательство „ПРИБОЙ"

Сектор „Юный Пролетарий"

Петроград, Просп. 25-го Октября, № 1. Тел. 5-86-11.

Вышли и поступили в продажу

новые издания:

„На под'еме". Сборник рассказов для молодежи Серафимовича, Дж. Лондона, Рой-Картона и др.

Программа и устав РКСМ, принятые 5-м Всероссийским с'ездом РКСМ. II-е издание.

Флотский день в комсомольском клубе. В помощь клубной работе.

Джон Рид. Штурм отжившего мира. Книжка Американского коммуниста об Октябре.

Г. Зиновьев. Полоса великих битв. Задача РКСМ в связи с рев. событиями на Западе.

Вс. Сорокин. Юные пионеры. Популярное руководство по детскому коммунистич. движению.

Исповедь кровавой собаки. Социал-демократ Носке о своих предательствах.

Вл. Северный. Тысяча Либкнехтов. Революционная пьеса о германских событиях.

За всеми справками, заказами и проч. обращаться в Торговый Сектор изд-ства „ПРИБОЙ" Пр. 25 Октября, № 52. Тел. 5-45-77.

В МОСКВЕ: Петровские линии, 1. Тел. 2-24-09.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00021990400